

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
ЦЕНТР СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

JOURNAL OF ANCIENT HISTORY

4 (211)

Октябрь—Ноябрь—Декабрь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН В 1937 г.

Древний мир: проблемы экологии

МЕРВСКИЙ ОАЗИС: ДИНАМИКА СИСТЕМ РАССЕЛЕНИЯ И ИРРИГАЦИИ*

Задача предлагаемой статьи — попытаться определить изменения, происходившие в системе расселения и ирригации в Маргиане (Мервском оазисе, ныне Марыйский велаят Туркменистана) в древности и средневековье и на этой основе постараться решить вопрос о том, какие из них порождены изменениями в характере природной среды, а какие являются результатом деятельности человека. Основные результаты наших исследований, а также опубликованные материалы работ в Маргиане наших коллег — экспедиции Института археологии РАН под руководством В.И. Сарианиди и экспедиции Итальянского Института Среднего и Дальнего Востока (ИсМЕО) под руководством М. Този — мы попытались суммировать в предлагаемой читателю серии карт, характеризующих расположение и размеры территорий, освоенных человеком на разных этапах истории оазиса (с указанием некоторых важнейших памятников каждой из эпох) и, с той или иной степенью приближения, основные естественные водные потоки и элементы древней и средневековой искусственной ирригационной системы.

В этом исследовании огромную помощь оказала нам подготовленная профессором Бруно Марколонго (Институт прикладной геологии ИЦНИ Италии, Падуя) палео-экологическая карта «Holocene paleoenvironmental evolution and ancient settlement patterns in the Merv oasis»¹. Карта основана прежде всего на геоморфологических и палеоклиматических данных, хотя учитывает и антропогенные воздействия. Благодаря исследованию Б. Марколонго и этой карте мы теперь в состоянии достаточно точно локализовать основные русла реки Мургаб в различные исторические эпохи; кроме того, впервые получено подтверждение высказывавшемуся ранее предположению о существовании, помимо современного русла реки, еще четырех более ранних русел, последовательно сменявших друг друга. Сопоставление данных палеоэкологической карты Марколонго с имеющимися в распоряжении нашей экспедиции материалами по археологической карте Маргианы с древности до монгольского завоевания дает замечательные совпадения и оказалось, в целом, исключительно плодотворным.

Как известно, Мервский оазис был освоен человеком в эпоху бронзы в начале II тыс. до н.э. Как сказал В.И. Сарианиди, основной исследователь памятников этого времени в оазисе, последние располагались не бессистемно, а были организованы в «несколько древних ирригационных оазисов», которые были вытянуты в направлении юго — север, как полагает В.И. Сарианиди, вдоль крупных водотоков, которые являлись частями «веера» древней дельты реки Мургаб.

* Публикация статьи осуществлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта «Древний мир: проблемы экологии» (код проекта 93.06.10594).

¹ Карта выполнена в рамках совместного проекта Института археологии РАН (Москва), Турменского государственного университета (Ашгабат) и Итальянского Института Среднего и Дальнего Востока (ИсМЕО, Рим) по исследованию археологических памятников Маргианы. Карта и материалы к ней хранятся в архиве экспедиции в ИА РАН.

Суммируя свои наблюдения, а также наблюдения И. Масимова, В.И. Сарияниди выделяет следующие оазисы, находившиеся в районе древней дельты Мургаба: Келлелийский, Таипский, Адам-Басанский, Аучинский, Гонурский, Тоголокский, Аджи-Куинский, Тахирбайский. Кроме того, В.И. Сарияниди указывает, что возможно, отдельным оазисом являлся также район Егри-Богаз, где в настоящее время обнаружено только три памятника².

Как уже отмечалось в литературе, исследования В.И. Сарияниди характеризуются подчеркнутой историко-культурной направленностью, при малом внимании к проблемам экологической сферы³. Соответственно, им не приводилось специальное изучение ирригационной сети, существовавшей в то время на территории Мервского оазиса.

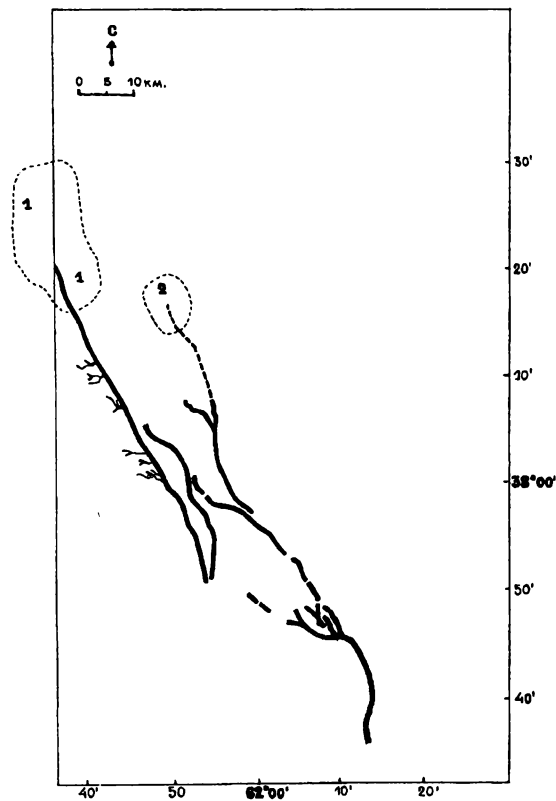
Наши собственные исследования применительно к бронзовому веку, в основном, ограничивались изучением аэрофото и космических снимков без сплошной верификации полученных результатов на местности (для более поздних периодов мы сумели за последние годы провести сплошное полевое исследование северной половины территории оазиса в сочетании с материалами космо- и аэрофотоснимков). В результате мы имеем до сих пор не так уж много точной информации о характере ирригационных систем, существовавших в районе дельты Мургаба в эпоху бронзы. Прежде всего, видимо, необходимо согласиться с В.И. Сарияниди относительно того, что все важнейшие водотоки, использовавшиеся как основные источники воды для орошения, представляли собой в рассматриваемую эпоху не искусственные каналы, а протоки древней мургабской дельты. На поля вода подавалась с помощью арыков, по всей вероятности выводившихся непосредственно из этих протоков без сколько-нибудь крупных дополнительных ирригационных сооружений. Характер этих арыков и конфигурация ирригационной сети остаются пока неисследованными.

В связи с этим необходимо отметить, что трудно было бы ожидать высокого мастерства в создании ирригационных систем от жителей Мургабского оазиса в начале эпохи бронзы. Нет в настоящее время серьезных оснований оспаривать концепцию, согласно которой первоначальное население оазиса составляли переселенцы из подгорной полосы Копет-Дага, пришедшие в дельту Мургаба с теми знаниями и умениями в области строительства ирригационных систем, которые они приобрели на своей родине. Этот уровень не мог быть очень высок, ибо ирригация в предгорной полосе, как нам известно, базировалась на использовании воды из небольших горных рек и ручьев. Естественно, такая система коренным образом отличается от ирригации, основанной на использовании вод крупных рек. Подтверждением этому служит то, что первые поселенцы освоили районы, где основной поток реки Мургаб дробился на отдельные протоки дельты, которые напоминали хорошо знакомые переселенцам небольшие горные потоки, использовать которые для орошения они умели лучше всего.

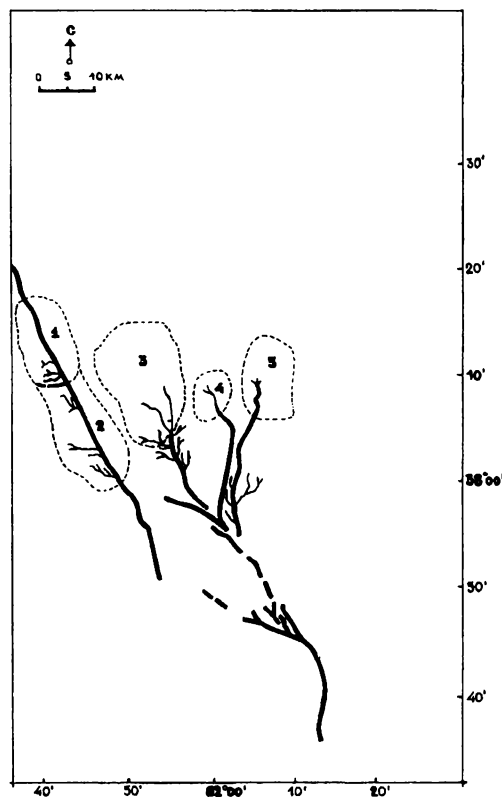
Можно предполагать, что все оазисы эпохи бронзы снабжались водой из того русла Мургаба, следы которого зафиксированы на территории к востоку от Гуяр-калы (см. карты I—VIII).

² Об исследованиях памятников эпохи бронзы в Мервском оазисе см. *Сарияниди В.И.* Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990; *он же.* Печати-амулеты мургабского стиля // СА. 1976. № 1; *он же.* Культовый сосуд из Маргианы // СА. 1980. № 2; *он же.* Новый центр древневосточного искусства // Археология Старого и Нового света. М., 1982; *он же.* Бактрия и Месопотамия во II тыс. до н.э. // СА. 1986. № 2; *он же.* Южная Туркмения и Маргиана в эпоху бронзы // Информационный бюллетень МАИКЦА. 1984. Вып. 7. *idem.* Margiana in the Bronze Age // The Bronze Age Civilization of Central Asia. N.Y., 1981; *idem.* Margiana in the ancient Orient // International Association for the study of the cultures of Central Asia. Information Bulletin. Issu 19. 1993; *Масимов И.С.* Новые исследования памятников эпохи бронзы на Мургабе // Древние цивилизации Востока. Ташкент, 1986; *он же.* Изучение памятников эпохи бронзы низовьев Мургаба // СА. 1979. № 1; *idem.* The Study of Bronze Age Sites in the Lower Murgab // The Bronze Age Civilization of Central Asia. N.Y., 1981.

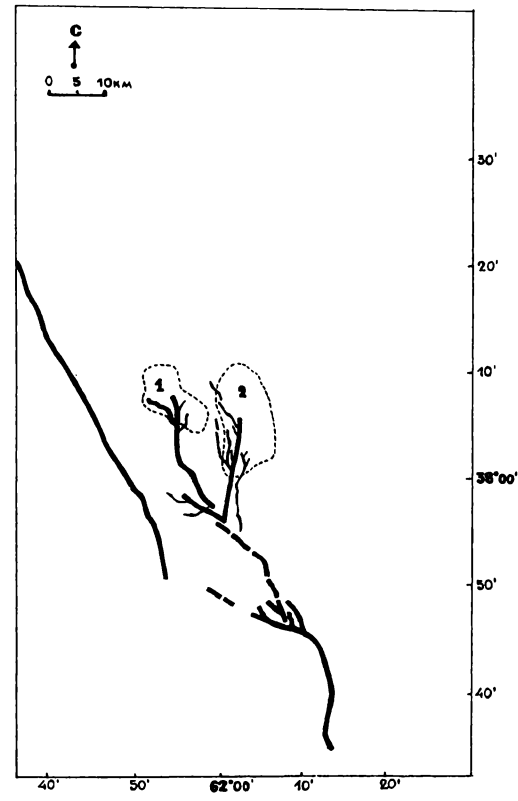
³ См. подробнее рецензию Г.А. Кошеленко на книгу В.И. Сарияниди «Древности страны Маргуш» (Ашхабад, 1990): *Mesopotamia*. 1992. V. XXVII. P. 258—265.

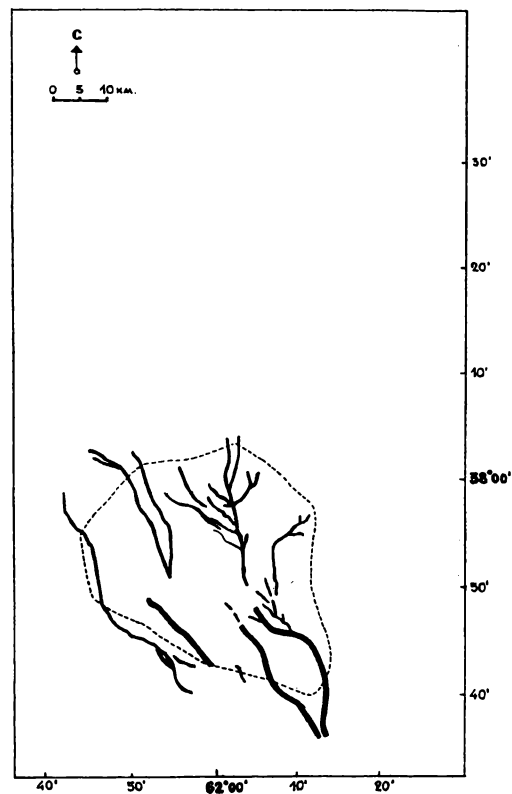
Карта I. Эпоха ранней бронзы. 1 — Келлелийский оазис, 2 — район Егри-Богаз

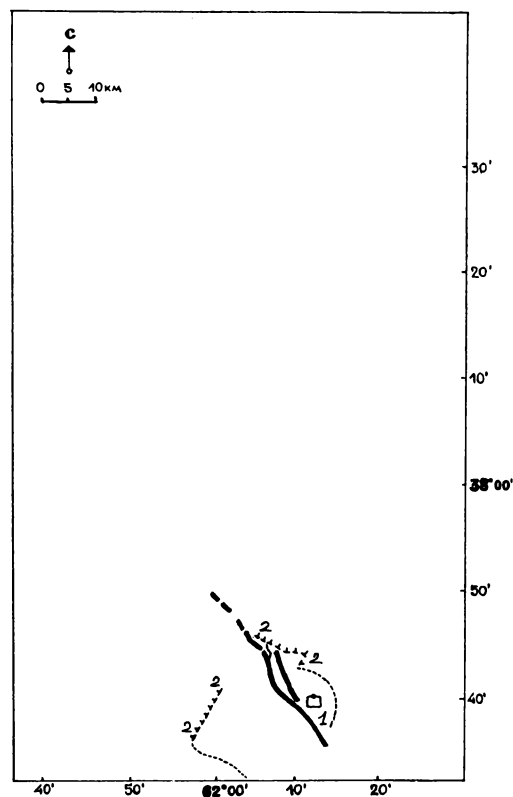
Карта II. Эпоха средней бронзы. 1 — Таипский оазис, 2 — Адам-Басанский оазис, 3 — Аджи-Куинский оазис, 4 — Гонурский оазис, 5 — Аучинский оазис

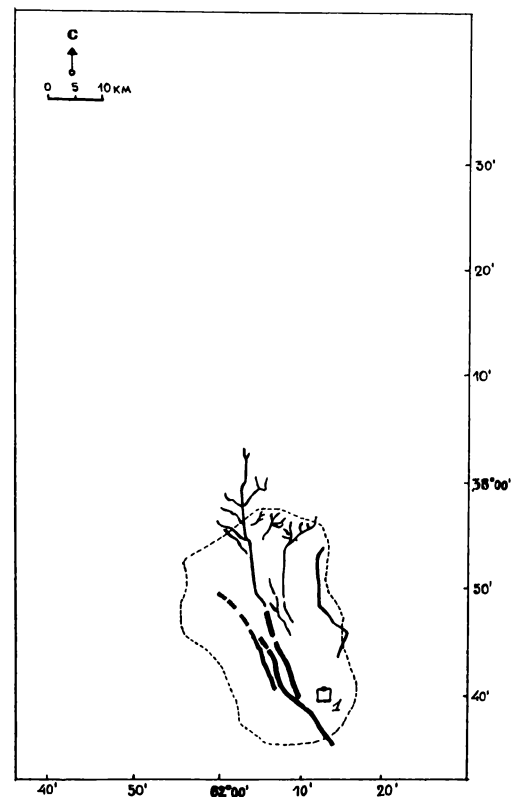
Карта III. Эпоха поздней бронзы. 1 — Тоголокский оазис, 2 — Тахирбайский оазис

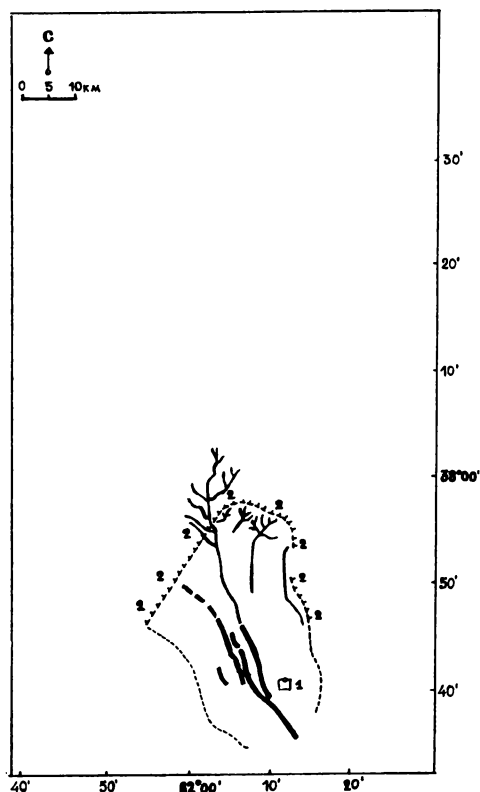
Карта IV. Ранний железный век

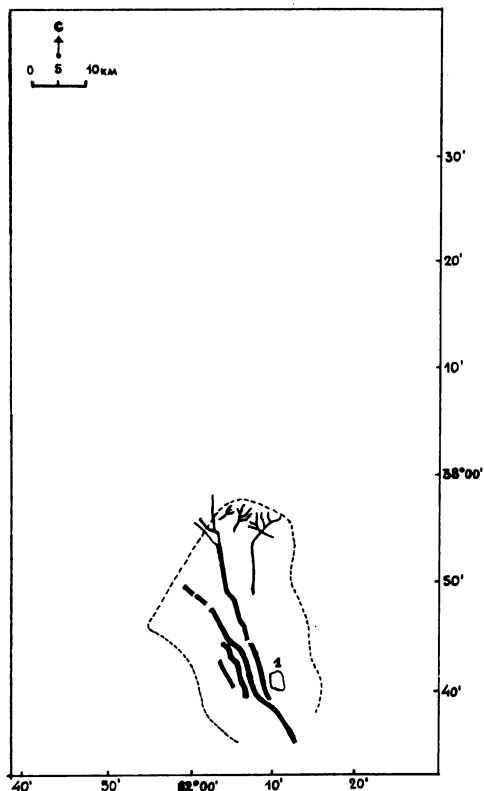
Карта V. Эллинистический период. 1 — Эрк-кала, 2 — участки, где границы оазиса были защищены стенами

Карта VI. Парфянский период. 1 — Гяур-кала

Карта VII. Сасанидский период. 1 — Гяур-кала, 2 — участки, где границы оазиса были защищены стенами

Карта VIII. Средневековье (до монгольского завоевания). 1 — Султан-кала

Необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что на протяжении эпохи бронзы территория, освоенная человеком, постепенно сдвигалась на юг. Этому процессу соответствует принятая в настоящее время периодизация истории Мервского оазиса в эпоху бронзы, в соответствии с которой выделяются три основных этапа: 1) келлийский, 2) гонурский и 3) тоголокский⁴. Первый из этих этапов датируется началом II тыс. до н.э.; второй приходится на вторую четверть—сердину этого тысячелетия; наконец, третий период датируется второй половиной II тыс. до н.э.⁵ При этом В.И. Сарианиди указывает на возможность разделения этого последнего периода на два подпериода: собственно тоголокский и более поздний тахирбайский, который может относиться уже к раннежелезному веку.

Для нас важен следующий вывод: ранние памятники находятся на севере, более поздние расположены южнее. Так, к первому периоду относятся памятники Келеллийского и, возможно, Егри-Богазского оазисов. Ко второй относятся Гонурский, Аучинский, Адам-Басанский, Аджи-Куинский и Таипский оазисы. Наконец, к третьему периоду относятся памятники Тоголокского оазиса⁶. Что же касается Тахирбайского оазиса и, соответственно, тахирбайского этапа, то мы должны сослаться на

⁴ См. Сарианиди. Древности ... С. 5.

⁵ Другие точки зрения относительно датировки различных периодов см. Пьянкова Л.Т. Керамические комплексы Маргианы эпохи бронзы // Информационный бюллетень МАЙКЦА. 1990. Вып. 16. С. 22—44; Masimov. The Study... P. 194—220; Hiebert F. Chronology of Margiana and Radiocarbon Dates // International Association for the study of the cultures of Central Asia. Information Bulletin. Issue 19. 1993. P. 136—148; Kohl Ph. Central Asia. Palaeolithic Beginnings to the Iron Age. P., 1984. P. 143—150.

⁶ См. Сарианиди. Древности... С. 5.

раскопки Итальянской экспедиции, показавшие, что само поселение Тахирбай-1 возникло еще в эпоху поздней бронзы⁷. Таким образом, можно предполагать, что этот оазис возник в эпоху поздней бронзы и продолжал существовать в раннем железном веке.

Можно достаточно уверенно утверждать, что на протяжении II тысячелетия происходит постоянное смещение освоенной территории на юг. Нам сейчас трудно сказать с уверенностью, являлся ли этот процесс результатом природных явлений или результатом деятельности человека. В любом случае мобильность гидрографической среды аридных районов неоднократно фиксировалась исследователями. Она вызывала в свою очередь перемещения зон расселения человека. Причины этого явления могли быть самыми различными⁸. По всей видимости, процесс может быть в общей форме объяснен следующим образом: постоянный рост населения приводил к тому, что увеличивались потребности в продуктах питания, а следовательно, расширялись и орошаемые площади. Поскольку, нам кажется, никаких принципиальных изменений в агротехнике в это время не происходило, предполагать увеличение урожаев без роста освоенной территории нет оснований. Результатом такого развития, естественно, могла стать нехватка воды для орошения прежде всего тех полей, что снабжались концевыми участками арыков. Поэтому новые оросительные каналы стали выводиться выше по течению и, соответственно, вся ирригационная система имела тенденцию к «дрейфу» в сторону истоков, в Мервском оазисе — на юг или юго-восток.

Конечно, эта закономерность может действовать только в том случае, если ирригационные системы потребляют основную часть воды. Ведь если в реке или протоке реки имеются значительные объемы неиспользуемых вод, то совсем не обязательно выводить канал выше по течению, достаточно развивать уже имеющиеся концевые части ирригационной сети.

Другое возможное объяснение заключается в изменении климата Средней Азии в голоцене вообще и, в частности, уже в историческую эпоху. Как известно, ранний бронзовый век, т.е. тот период, когда началось освоение Мервского оазиса, пришелся в Маргиане на конец плювиального климатического режима, а аридизация началась позднее⁹.

Следующий большой исторический период — ранний железный век, начало которого в Маргиане традиционно датировали рубежом II и I тыс. до н.э.¹⁰ Сейчас, однако, существует тенденция к удревнению начала РЖВ в Мервском оазисе (в частности, Ф. Коль склонен датировать это начало XV веком до н.э.¹¹). Окончание РЖВ, по-видимому, приблизительно совпало со временем начала походов Александра Македонского¹².

В этот период на территории Мервского оазиса существует несколько групп памятников, которые также обычно называются оазисами. Основная часть их была открыта В.М. Массоном в начале 1950-х годов¹³; некоторое количество было обнаружено в ходе работ нашей экспедиции. Детальное изучение группы памятников было предпринято в последние три года Итальянской археологической экспедицией

⁷ См. отчет экспедиции: *Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Report, September 1993*. P. 13.

⁸ См. Лисицына Г.Н. Становление и развитие орошаемого земледелия в Южной Туркмении. М., 1978. С. 191.

⁹ См. Долуханов П.М. Палеоэкологические условия на территории Средней Азии в позднем плейстоцене и голоцене // Информационный бюллетень МАЙКЦА. 1987. Вып. 12. С. 8—19.

¹⁰ Датировки основаны прежде всего на работах В.М. Массона. См. Массон В.М. Древнеземледельческая культура Маргианы // МИА. 1959. № 73.

¹¹ Kohl Ph. *Central Asia. Palaeolithic Beginnings to the Iron Age*. P., 1984. P. 193 f., 225—229; Pl. 2 Более подробно дискуссию о датировке начала РЖВ см. *Koshelenko G. L'Asie Centrale au début de l'Age du Fer // L'Asie Centrale et ses rapports avec les civilisations orientales des origines à l'Age du Fer*. P., 1988.

¹² Подробнее о дискуссии относительно конца эпохи Яз III и последнего периода РЖВ см. *Сарианиди В.И., Кошеленко Г.А. Средняя Азия в раннем железном веке // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Серия «Археология СССР». М., 1985. С. 181.*

¹³ См. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы.

ИсМЕО¹⁴. Необходимо отметить также, что еще в ходе работ ЮТАКЭ было установлено, что слои раннежелезного века имеются также на городищах Эрк-кала и Гяур-кала¹⁵.

Благодаря этим работам сейчас появилась возможность более точно представить всю территорию оазиса как единое целое, уточнив первоначальные схемы, которые в свое время составил В.М. Массон. Согласно его гипотезе, территория оазиса раннежелезного века (эпохи Яз I—III) располагалась к северу от современного оазиса. Позднейшие работы ЮТАКЭ (раскопки З.И. Усмановой и М.И. Филанович) и наши исследования показали, что в периоды Яз-II и Яз-III территория оазиса распространялась далеко на юг и частично совпала с территорией современного оазиса. Во всяком случае, слои этого времени зафиксированы на таких памятниках, как Мунон-депе, Лючек-депе и, наконец, Эрк-кала и Гяур-кала.

В период раннежелезного века на территории Мервского оазиса зафиксировано три основных группы памятников, которые, как мы отмечали, определяются исследователями как оазисы¹⁶.

Западный оазис В.М. Массон назвал Арвали-депинским по имени крупнейшего памятника этого оазиса. Арвали-депинская группа памятников находится на западном берегу современного русла реки Мургаб¹⁷. Памятники расположены вдоль русла канала, ныне носящего название Гуни-Яб. Древнее русло его послужило основой современного оросительного канала. В.М. Массон полагал, что нынешнее место вывода этого канала из русла Мургаба примерно соответствует месту вывода древнего канала. В таком случае общая длина древнего канала по подсчетам В.М. Массона должна была быть равна примерно 36 км. Сам Арвали-депинский оазис, по мнению этого исследователя, представлял узкую полосу (шириной 2—3 км), вытянутую с юга на север и расположенную по обе стороны русла канала. От главного канала (глубиной 1,5—2 м при ширине 5—6 м) отходили более мелкие арыки, орошавшие поля. Арыки в основном отходили под острыми углами. В конце своего исследования В.М. Массон делает очень ответственное заключение, основанное на анализе ситуации в Мервском оазисе в целом — направление главного русла реки Мургаб в эпоху раннежелезного века, по его мнению, соответствовало в основном современному руслу этой реки.

К востоку от Арвали-депинской располагалась вторая группа памятников, наиболее значительная по числу и величине входящих в нее поселений. Эта группа, также образовавшая оазис, носит название Яз-депинской по имени самого крупного из входящих в нее памятников. Яз-депе, по мнению В.М. Массона, являлось не только центром данной группы памятников, но и «столицей» всего Мервского оазиса эпохи раннего железного века.

Основной артерией орошения этого оазиса являлся крупный магистральный канал, русло которого, по мнению В.М. Массона, прослеживается в ряде мест довольно отчетливо. Местное население называет его Гати-Акар. Канал имеет общее направление с юга на север, как практически все магистральные каналы в Мервском оазисе¹⁸. Ширина канала местами достигает 5—8 м, а глубина — 2—3 м. По обе стороны от

¹⁴ Archaeological Map...

¹⁵ См. Усманова З.И. Разрез крепостной стены Эрк-калы Старого Мерва // Древний Мерв. Тр. ЮТАКЭ. 1989. Т. XIX. С. 21—61; она же. Эрк-кала // Тр. ЮТАКЭ. 1963. Т. XII; она же. Новые данные к археологической стратиграфии Эрк-калы // Тр. ЮТАКЭ. 1969. Т. XIV; Филанович М.И. Историко-культурные археологические таблицы по городищу Гяур-кала в Старом Мерве // Древний Мерв. Тр. ЮТАКЭ. 1989. Т. XIX. С. 62—121; она же. Гяур-кала // Тр. ЮТАКЭ. 1974. Т. XV.

¹⁶ См. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы. С. 63—92; однако в другой работе этот автор почему-то говорит только о двух оазисах: он же. Земледелие и аграрный строй Туркменистана в эпоху развития рабовладельческих отношений // Очерки истории земледелия и аграрных отношений в Туркменистане. Ашхабад, 1971. С. 51.

¹⁷ В.М. Массон неверно указывает, что она располагалась на правом, т.е. восточном берегу реки (Древнеземледельческая культура Маргианы. С. 87).

¹⁸ У В.М. Массона — явная ошибка, в его публикации «канал имеет общее направление в основном с севера на юг», что абсолютно невозможно по условиям местности.

магистрального канала были отведены арыки, орошавшие поля. В отличие от Арвали-депинского оазиса, эти арыки отходят как под острым, так и под прямым углом к руслу основного канала. В нескольких случаях от магистрального канала отведены и более крупные арыки, несущие воду к поселениям, расположенным в стороне от основного русла. По мнению В.М. Массона, длина канала, снабжавшего водой весь Яздепинский оазис, была равна 55 км.

Наконец, третья, самая восточная группа памятников носит название Тахирбайской по имени самого крупного памятника этого оазиса. Памятники этой группы занимали пространство около 11 км с севера на юг и около 6 км с запада на восток. Тахирбайский оазис эпохи РЖВ частично перекрывает территорию оазиса эпохи поздней бронзы. В.М. Массон не обнаружил здесь следов древних каналов. По его мнению, их оплывшие русла скрыты песком, полностью покрывающим территорию древнего оазиса.

В целом, в эпоху РЖВ мы видим продолжение процесса, который был нами зафиксирован уже для бронзового века — процесса неуклонного смещения оазиса на юг. Мервский оазис раннежелезного века продвинулся существенно дальше на юг по сравнению с оазисом эпохи бронзы. Вполне возможно, что в дальнейшем удастся выявить и внутреннюю динамику в пределах самого РЖВ — уже сейчас для этого имеются определенные данные. В частности, установлено, что на Эрк-кале слоев времени Яз-I нет, а имеются только слои времени Яз-II и Яз-III, а на Гяур-кале вообще зафиксированы пока только слои времени Яз-III, что позволяет и здесь предполагать постепенное смещение оазиса на юг. Вполне вероятно, что причина этого движения оставалась той же самой, что и в предшествующую эпоху.

К сожалению, не выдерживают сопоставления с действительностью рассуждения В.М. Массона относительно каналов. Это определяется тем, что он избрал неверную исходную позицию. Современное русло реки Мургаб не может совпадать ни с одним из древних русел, во всяком случае с руслом раннежелезного века. В то время основное русло проходило много восточнее. Точно так же, ни в коей мере нельзя согласиться с его определением тех двух магистральных каналов, о которых он пишет. В настоящее время после проведенных геоморфологических и топографических исследований стало ясно, что это были не каналы, а протоки древней дельты Мургаба, как и в предшествующую эпоху. Конечно, вполне возможно, что они подвергались жителями оазиса определенному обустройству, но естественное происхождение основных их русел не вызывает сомнений. На аэрофото- и космических снимках, с которыми мы работали, хорошо видно, что все те водотоки, которые В.М. Массон называет каналами, имеют вполне характерную конфигурацию, с несомненностью указывающую на их естественное происхождение. Особенно спорны взгляды В.М. Массона относительно канала Гати-Акар. Этот канал вообще не является древним, а те цифровые данные, которые приводит В.М. Массон, — явная ошибка. Когда после строительства Каракумского канала ирригационная сеть в этом районе Мервского оазиса была перепланирована и вышеуказанный канал был засыпан, на аэрофото- и космических снимках исчезли практически все его следы, что абсолютно невозможно при длительном функционировании канала сколько-нибудь существенных размеров. Что же касается тахирбайской группы памятников, то снимки показывают здесь очень густую сеть древних протоков, приспособленных под каналы, и наряду с ними собственно каналов, хорошо узнаваемых по их конфигурации. Если опираться на аэрофотоснимки, эти каналы достаточно хорошо фиксируются и при наземном обследовании.

Следующий исторический период в жизни Мервского оазиса — эллинистический. Мы уже посвятили этому периоду специальную статью (пока не опубликована), в которой попытались выявить некоторые основные проблемы этого периода¹⁹. Очень важно то, что в эллинистический период резко сокращается освоенная человеком тер-

¹⁹ Bader A., Gaibov V., Koshelenko G. Walls of Margiana // Mesopotamia (в печати).

ритория. Она ограничивается, в целом, лишь той небольшой областью, которая была окружена знаменитой стеной, построенной по приказу Антиоха Сотера. При этом, как мы попытались показать²⁰, истинная стена Антиоха — это не та стена, которая располагалась в северной части оазиса приблизительно вдоль его современной границы, и которая обычно (еще со времен ЮТАКЭ²¹) определяется исследователями как «стена Антиоха», а другая, более скромных размеров стена, известная местному населению под названием Гилякин-Чильбурдж. Эта стена находится много ближе к городищу Гяур-кала и охватывает, в сущности, лишь ближайшую округу этого некогда крупного города. В эллинистический период из относительно небольшого городка, скрываемого ныне руинами Эрк-калы, возник огромный столичный центр — Антиохия Маргианская, включивший нынешние Гяур-калу и Эрк-калу.

Необходимо отметить, что уменьшение освоенной для земледелия территории в эллинистическую эпоху снова сопровождалось «скольжением» возделанной территории оазиса на юг, как это уже неоднократно фиксировалось нами в истории Маргианы.

К сожалению, на нынешнем уровне изученности проблемы мы не в состоянии достаточно твердо датировать конец эпохи Яз-III и, таким образом, не можем определить точно время тех изменений, о которых только что говорили. Отсутствие точной даты затрудняет и само историческое объяснение феномена внезапного запустения значительной части ранее освоенной земли в конце РЖВ.

Однако у нас имеются две возможности: логично было бы связывать эти катастрофические по масштабам изменения в ирригационной сети Мервского оазиса и системе расселения в нем либо с известными по Бехистунской надписи событиями, связанными с подавлением восстания Фрады в первый год царствования ахеменидского царя Дария I, либо с событиями времени азиатского похода Александра Македонского. Как нам кажется, первое объяснение обладает приоритетом по сравнению со вторым: мы пытались показать в специальной публикации о Бехистунской надписи²², что во время подавления восстания Фрады погибло огромное число жителей Маргианы. По надписи хорошо видно, что восстание в Мервском оазисе резко отличалось от всех других одновременных с ним восстаний начала царствования Дария Великого, во-первых, исключительно широким участием в нем населения, благодаря чему движение под руководством Фрады стало действительно «народным» (в отличие от в значительной степени «верхушечных» сепаратистских восстаний в других областях ахеменидской державы), и во-вторых, огромными масштабами людских потерь при подавлении восстания. Все это должно было привести к обезлюдению оазиса.

Некоторое подтверждение этому, как кажется, можно найти и у Курция Руфа — единственного автора, сообщающего о пребывании Александра Македонского в Мервском оазисе (Curt. Ruf. VII, 10.15). Дело в том, что Курций Руф говорит не о стране Маргиане, а лишь о городе Маргианы (*urbs Margiana*), что позволяет предполагать, что уже в это время основная часть населения сконцентрировалась на ограниченной территории.

Вполне вероятно, что в эллинистическое время происходит и другое важнейшее изменение в Мервском оазисе — изменение основного русла реки Мургаб. Ранее основное русло проходило восточнее городища Гяур-кала, теперь же оно стало располагаться к западу от него. У нас имеется два доказательства этого. Во-первых, стена Гилякин-Чильбурдж была построена таким образом, что пересекала старое русло Мургаба, располагавшееся восточнее Гяур-калы, что предполагает ее создание после того, как русло перестало функционировать. Второй аргумент состоит в том, что и текст Птолемея, и созданные на основе этого текста карты не-

²⁰ Ibid.

²¹ См. Вязигин С.А. Стена Антиоха Сотера вокруг древней Маргианы // Тр. ЮТАКЭ. 1949. Т. I.

²² Кошеченко Г.А., Бадер А.Н., Гаубов В.А. Маргиана в ахеменидской официальной письменной традиции // Проблемы истории, филологии и культуры. Вып. 2 (в печати).

двусмысленно показывают, что город Антиохия Маргианская находился восточнее реки²³.

Необходимо, наконец, обратить внимание и еще на одно обстоятельство. Современные исследователи показали, что распространенная точка зрения, которую в свое время столь активно защищал С.П. Толстов и согласно которой в античную эпоху Узбой уже не функционировал как один из протоков Амударьи²⁴, не верна. Исследования Х. Юсупова показали, что Узбой был в это время обводнен и на нем располагались поселения²⁵. В таком случае находят свое объяснение некоторые данные античной традиции, касающиеся Маргианы, которые ранее были непонятны. Мы имеем в виду свидетельство Плиния относительно озера Зотал (Plin. NH. VI. 46—47)²⁶ и свидетельство Птолемея о том, что река Марг впадала в реку Окс. Если Узбой продолжал функционировать в рассматриваемое время, все эти свидетельства находят ясные и вполне логичные объяснения: впадение Марга в Окс у Птолемея означает лишь то, что река Мургаб какой-то частью своей дельты достигала Узбоя: озеро Зотал может быть без особых натяжек идентифицировано с нынешней Саракамышской впадиной на Узбое.

Констатация этих фактов, однако, ставит и ряд проблем. Самая главная состоит в том, что в таком случае приходится признать, что часть вод реки Мургаб оставалась неиспользованной и не только не разбиралась на орошение, но и была столь велика, что даже могла достигать Узбоя. Этому возможны два объяснения: первое — абсолютное увеличение количества воды в реке, второе — резкое уменьшение количества воды, потребляемой жителями оазиса на орошение. Нам кажется, что более вероятно второе объяснение. Никакими данными о сколько-нибудь резком изменении водного режима Мургаба в рассматриваемое время мы не располагаем. С другой стороны, как уже было сказано выше, именно в эллинистическую эпоху в Маргиане происходит существенное уменьшение освоенной территории, и соответственно, забора воды для ее орошения.

Следующая историческая эпоха — парфянская. Для этой эпохи характерно уже обратное движение — на север. Начиная примерно с I в. н.э. мы видим постепенное, но достаточно быстрое распространение новых населенных пунктов в северной части оазиса. Насколько мы можем представить, если не все, то по крайней мере большинство этих новых населенных пунктов имели те или иные укрепления и строго геометрический план, что говорит о том, что они строились по заранее намеченному плану и, несомненно, по инициативе центральной власти. Видимо, можно говорить о существовании некой «государственной программы» целенаправленного освоения новых земель²⁷.

Мы также хотели бы обратить внимание на то обстоятельство, что в парфянское время впервые был прерван процесс, который мы зафиксировали на всех этапах эпохи бронзы и раннего железа — процесс освоения новых территорий в районах, расположенных все выше по течению Мургаба или его дельтовых проток. Для парфянского периода мы ясно видим процесс расширения освоенных территорий за счет

²³ Plot. Geogr. 6. 9—21 // Ostiran und Zentralasien. Teil 1. Griechischen Texten, neu herausgegeben und ins Deutsche übertragen von Italo Ronca. Rom, 1971.

²⁴ См.: Низовья Амударьи. Сарыкамыш. Узбой // Материалы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Вып. 3. М., 1960.

²⁵ См. подробнее: Юсупов Х. Древности Узбоя. Ашхабад, 1986.

²⁶ Совершенно непонятно, на каком основании В.М. Массон в свое время сделал вывод о том, что воды Мургаба «отводились» в это озеро и, тем самым, считал последнее одним из элементов ирригационной системы Мервского оазиса (Массон. Земледелие и аграрный строй Туркменистана... С. 55). В тексте Плиния нет ни малейшего намека на возможность подобного истолкования сообщения.

²⁷ См. Губаев А., Кошеленко Г., Новиков С. Археологические исследования в Мервском оазисе // ВДИ. 1990. № 3; Gubaev A., Koshelenko G., Novikov S. Archaeological Exploration of the Merv Oasis // Mesopotamia. 1990. XXV; Bader A., Gaibov V., Koshelenko G. Materials for an Archaeological Map of Margiana: the Changly region // Mesopotamia. 1991. XXVI; Bader A., Gaibov V., Koshelenko G. Materials for an Archaeological Map of the Merv oasis: Köne Kishman // Mesopotamia. 1992. XXVII.

удлинения каналов. Естественно предположить, что если ранее господствующими были естественные природные факторы, а ирригационные системы целиком от них зависели и их создатели лишь использовали изменяющуюся климатическую обстановку, то начиная с парфянской эпохи мы видим все более решительные действия обитателей оазиса, впервые попытавшихся освободиться от зависимости от природных факторов. Мы имеем основания связывать эти кардинальные изменения с возведением (впервые в Мервском оазисе) более или менее крупной плотины, которая позволила регулировать сток или, по крайней мере, часть стока реки Мургаб. Результатом этого стало значительное расширение освоенной для земледелия территории. Можно думать, что именно в это время границы оазиса достигли наибольшего размера²⁸.

Следующий крупный исторический этап — сасанидский. В этот период мы видим некоторые (в основном незначительные) изменения в конфигурации и размерах оазиса. В одном месте заметно некоторое отступление назад от границ оазиса, достигнутых в парфянское время. Мы имеем в виду район Гебеклы. Этот памятник достиг расцвета в парфянское время (а возник, по всей вероятности, уже в конце РЖВ) и просуществовал вплоть до IV в. н.э.)²⁹. Однако, насколько мы можем судить, данный район — единственное исключение. Судя по накопленным до сих пор данным, во всех других случаях имела место относительная стабильность границ оазиса.

Эта стабильность, берущая начало уже в парфянскую эпоху, была в позднесасанидское время усилена возведением внешней обводной стены, которая защищала весь оазис с западной, северной и восточной сторон. Авторы настоящей работы занимались исследованием этой стены и посвятили ей специальную работу, в которой попытались доказать, что так называемая «стена Антиоха» была построена не в селевкидское, как это обычно считается, а в сасанидское время³⁰.

Другое важное наблюдение касается системы расселения. Мы уже говорили, что в парфянское время основная часть оазиса была занята значительным числом укрепленных населенных пунктов. В раннесасанидское время такая схема расселения в основном сохранялась. Однако к концу этого периода ситуация существенно изменилась. В это время начинают появляться замки, которые по своим размерам были значительно меньше, нежели старые парфянские укрепленные населенные пункты. Но взамен вокруг этих замков начинают появляться достаточно большие по размерам неукрепленные деревни, а при некоторых небольших крепостях появляются пригороды³¹.

В целом можно предполагать, что при старых (в основном) границах оазиса число жителей в нем увеличилось по сравнению с парфянским временем. Соответственно, должна была увеличиться и возделанная (и орошенная) территория. Если же в этих условиях границы оазиса остались стабильными, то это может свидетельствовать о том, что доосваивались территории внутри оазиса, которые ранее не были возделаны, а также о прогрессе в агротехнике. Думается, что первое предположение более вероятно, чем второе. Однако это в свою очередь заставляет думать об определенном прогрессе в ирригационном строительстве.

Следующий исторический период можно несколько условно назвать арабским. Он охватывает время от арабского завоевания вплоть до монгольского нашествия. Насколько мы можем судить, Мервский оазис в средневековое время сохранял размеры,

²⁸ С точки зрения гидротехники древнейшая плотина на Мургабе — правобережная, или Султан-ябская. См. *Ляпин А.* Каушутбент // Памятники Туркменистана. 1986. № 1 (41). По мнению А. Ляпина, «ее возраст равен возрасту города [Мерва. — *Авт.*] (конец V—начало IV в. до н.э.) или немного моложе» (Ук. соч. С. 15.). В свете приведенных нами выше соображений второе из предположений А. Ляпина выглядит более предпочтительным.

²⁹ См. *Кошеленко Г.А., Никитин А.Б.* Монетные находки и проблемы стратиграфии Гебеклы // Информационный Бюллетень МАИКЦА. Вып. 18. 1991.

³⁰ *Bader, Gaibov, Koshelenko.* Walls of Margiana.

³¹ Наиболее яркий пример — Чильбурдж. См. *Koshelenko G., Gaibov V., Novikov S.* Chilburj // Bulletin of the Asia Institute. V. 4. Pt I. 1990.

которые он приобрел в сасанидский период³². Изменения коснулись только внутренней организации пространства в оазисе: наши исследования показали, что в это время увеличились число населенных пунктов и их размеры. Кроме того, целый ряд существовавших в сасанидское время замков с деревьями вокруг них превратились в небольшие городки. В арабское время произошли небольшие изменения и в системе ирригации. Насколько мы можем судить, при сохранении основной структуры ирригационной сети увеличилось число малых каналов и их густота.

Арабский период интересен еще и тем, что для него мы впервые имеем свидетельства письменных источников, содержащих информацию собственно об ирригационных системах, а также об устройстве плотины на Мургабе, об организации работ по ее поддержанию в порядке и ремонту, и т.д.³³ Для нас наиболее важны свидетельства о том, что на Мургабе существовала большая плотина, перегораживавшая реку, а выше по течению — специальный водоем, из которого брали начало каналы, орошавшие поля оазиса (известно, что Мервский оазис всегда был замечателен большим числом высоколежащих земель). Очень важна и информация источников об организации специальной государственной службы, обеспечивавшей функционирование плотины. Заслуживают внимания и свидетельства о том, что орошение осуществлялось не только с помощью самотечных каналов, но также и с применением водоподъемных устройств³⁴. Важнейшая проблема в связи с этими сведениями — насколько в глубь времен мы можем проецировать данные источников арабской эпохи — остается до сих пор недостаточно разработанной.

Монгольское завоевание стало подлинной катастрофой для Мервского оазиса, поскольку была разрушена плотина на Мургабе. Результатом этого (может быть, даже в большей степени, чем самого нашествия) стало резкое уменьшение населения в оазисе и числа населенных пунктов, сокращение их размеров и, в целом, сильное уменьшение возделанной территории. Эти факты показывают, до какой степени вся жизнь Мервского оазиса зависела от плотины на Мургабе. Думается, что эта зависимость существовала уже с парфянского периода, т.е. с того времени, когда мы впервые засвидетельствовали стабилизацию размеров оазиса.

Позволим себе подвести некоторые итоги. Мервский оазис, как вообще все оазисы, представляет собой весьма хрупкий организм, существование которого всегда зависело от целого ряда факторов как природного, так и социального характера. Выяснение механизма их взаимодействия — одна из важных и достаточно актуальных задач науки. В конечном счете, задача состоит в том, чтобы попытаться создать своего рода модель, которая смогла бы объяснить динамику развития изолированных оазисов типа Мервского в различные исторические периоды под воздействием возможно большего комплекса факторов. Наука еще достаточно далека от решения этой проблемы, и пока, видимо, можно предлагать только частные решения. Наше исследование дает ответ лишь на некоторые из возникающих вопросов. Однако, как нам кажется, особую ценность в нынешней ситуации имеет накопление фактов и конкретные наблюдения, сделанные на их основе.

Основной из наших выводов состоит в том, что историю Мервского оазиса с точки зрения ирригации и систем расселения можно разделить на два основных периода.

1. Период от возникновения ирригационной сети в оазисе вплоть до парфянской эпохи. В это время существуют достаточно примитивные ирригационные системы, базирующиеся на отдельных протоках дельты Мургаба. Следствием этого является

³² Если и происходили некоторые изменения (например, вследствие военных действий), то они имели локальный и скоропреходящий характер, так как арабы специально ирригационные системы не разрушали. См. *Большаков О.Г.* Земледелие и аграрные отношения в Туркменистане в VIII—X вв. // *Очерки истории земледелия и аграрных отношений в Туркменистане (С древнейших времен до присоединения к России)*. Ашхабад, 1971. С. 110.

³³ Этому сюжету посвящена значительная литература. См. указанную выше статью О.Г. Большакова (прим. 32), а также: *Агаджанов С.Г.* Земледелие и аграрные отношения в Туркменистане в XI—начале XIII вв. // *Очерки истории земледелия... в Туркменистане*.

³⁴ См. *Агаджанов*. Ук. соч. С. 157.

«разбросанность» поселений и фактическое отсутствие единого оазиса. Население Маргианы в очень большой степени зависит от природных условий. Изменение климата, его аридизация приводят к тому, что все мини-оазисы «дрейфуют» на юг, в сторону истоков реки.

2. Второй период начинается с парфянского времени, когда, видимо, была построена первая крупная плотина на Мургабе. Именно этот момент стал поворотным — общество Маргианы оказалось в гораздо меньшей зависимости от природных условий, чем раньше. Начиная с этого момента прекратилось смещение оазиса на юг и даже началось обратное распространение возделанных территорий на север. Изменения климатических условий уже не сказывались существенно на размерах и очертаниях оазиса. К концу парфянского периода оазис, в сущности, достиг своего оптимума. Все дальнейшие изменения его границ имели лишь локальный характер, а изменения в системе расселения происходили только внутри уже стабилизировавшихся границ. Эта большая независимость от природных условий, однако, имела и свою обратную сторону, а именно возросшую зависимость от условий антропогенного характера. При простых ирригационных системах повредить их достаточно трудно, а восстановить повреждения легко. Совсем иная картина при существовании сложной системы. Повредить и даже полностью уничтожить плотину на Мургабе было легко, но ее восстановление, в сущности, так же сложно, как и строительство заново. В случае разрушения плотины население Маргианы ставилось перед реальной угрозой тотальной гибели³⁵.

Второй важный вывод, к которому мы пришли, касается методической стороны исследования. До настоящего времени лучше всего изучена в Средней Азии история ирригации и (отчасти) систем расселения Хорезма. В результате этого исследователи очень часто механически переносят выводы, полученные при изучении хорезмского феномена, на другие регионы Средней Азии. Такова, в частности, природа ошибок В.М. Массона, много сделавшего для изучения ирригации в Маргиане, но ошибавшегося относительно характера каналов в Мервском оазисе эпохи раннежелезного века. Поскольку для Хорезма этого времени были наиболее типичны очень длинные каналы, В.М. Массон увидел их и в Маргиане. Между тем необходимо помнить, что существовала огромная разница между ирригационными системами Хорезма и Мерва: ирригация Мервского оазиса базировалась на плотине, в Хорезме же это было вне технических возможностей общества того времени. При сравнениях нельзя забывать это фундаментальное различие.

Г.А. Кошеленко, А.Г. Губаев, В.А. Гаибов, А.Н. Бадер

THE MERV OASIS: EVOLUTION OF SETTLEMENT PATTERNS AND IRRIGATION SYSTEMS

G.A. Koshelenko, A.G. Gubaev, V.A. Gaihov, A.N. Bader

The aim of the article is to describe the evolution of settlement patterns and irrigation systems of the Merv oasis (Margiana of the classical authors) from the Bronze Age down to the Mongol invasion in terms of the natural as well as social factors.

The Merv oasis, a typical agricultural one, depending solely on a single water source (the Murgab river), has been a very fragile organism. The authors' research in the oasis (since 1980) together with the findings of other archaeological expeditions in Margiana allowed them to trace the evolution of this complex organism through the interaction of a number of factors. The main results of their work are summarized in a series of maps based on demographic, paleoclimatic and archaeological data. The authors deemed it important to compare ground observations throughout the territory of the oasis with topographic and other maps, aerial photos and space images.

³⁵ Об уязвимости мервских плотин см., в частности: *Ляпин А.* Султан-бент // Памятники Туркменистана. 1975. № 2. (20).

A detailed periodization of the history of the Merv oasis worked out on the basis of historical and paleoecological data has made it possible to single out two main epochs in its existence:

1. From the construction of the earliest irrigation structures till the Parthian period: primitive irrigation systems dependent on various branches of the Murgab delta made agriculture and life of the oasis hostage to the climatic conditions; the subsequent aridization of the climate and shift of the centre of the oasis to the south are characteristic of this period.

2. From the Parthian times to the end of the Arab period: the first important dam built on the Murgab made agriculture far less dependent on the natural factors and more reliable, but the complexity of the system and its wide use made it much more fragile; the centre of the oasis moved back to the north. The second half of the Parthian epoch was, probably, the time of Margiana's maximum prosperity.

In the Sassanian and Arab epochs the borders of the oasis changed a little, but important modifications of settlement patterns took place within these borders.

Finally after the Mongol invasion in the XIIIth century the destruction of the Murgab dam meant a real disaster for the Merv oasis which led to its long decline.

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

JOURNAL OF ANCIENT HISTORY

1 (252)

Январь–Февраль–Март

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН в 1937 г.

© 2005 г.

В. А. Гаилов, Г. А. Кошеленко

КОЧЕВНИКИ СРЕДНЕЙ АЗИИ В ЭПОХУ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО (Данные письменных источников)

Изучение истории и культуры кочевых народов Евразии в античную эпоху всегда являлось одной из тех проблем, которые вызывали особый интерес в отечественной науке. В последние годы, с нашей точки зрения, создались особо благоприятные условия для подобных исследований. Мы имеем в виду выход в свет двух томов серии «Археология СССР», которые впервые в истории науки дали подлинную сводку всех имеющихся археологических материалов по этой чрезвычайно важной и столь трудной для понимания проблеме истории¹. Благодаря публикации этих томов появилась возможность разработки многих глобальных тем по истории кочевых народов Евразии античной эпохи.

В самое последнее время развернулась достаточно оживленная дискуссия, порожденная интересными археологическими открытиями на Среднем Дону и их интерпретацией². В ходе этой дискуссии особое внимание ряда исследователей привлекла проблема соотношения археологических и письменных источников относительно истории скифов и ряда других кочевых народов античной эпохи. Эта проблема в данной дискуссии имеет не только конкретный, но и теоретический характер. Она касается основополагающих вопросов источниковедения. В связи с этим большинство авторов, принявших участие в этой дискуссии, в той или иной степени откликнулись и на статью Л.Т. Яблонского (которая была опубликована еще до начала дискуссии), призывавшего полностью отказаться от использования свидетельств письменных источников при анализе характера кочевых обществ Евразии античного периода³.

Справедливо было указано рядом участников дискуссии, что отказ от использования письменных источников выглядит несколько экстравагантно и определяется в конечном счете неумением их анализировать. Мы не будем повторять всего, что было сказано по этому поводу. Укажем только на то, что, с нашей точки зрения, в ходе этой дискуссии наиболее удачно проблему соотношения

¹ Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М., 1992; Степная полоса европейской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. А.И. Мелюкова. М., 1989.

² Дискуссия была открыта статьей: Гуляев В.И. Дискуссионные проблемы скифологии (По материалам археологии Подонья) // ВДИ. 2002. № 1.

³ Яблонский Л.Т. Скифы, сарматы и другие в контексте достижений отечественной археологии XX века // РА. 2001. № 1. В.И. Гуляев в указанной выше статье (Гуляев. Дискуссионные проблемы... С. 148) в определенной степени солидаризуется с Л.Т. Яблонским.

данных письменных и археологических источников обрисовал А.П. Медведев⁴. Не повторяя всего сказанного, отметим только самое основное (с чем мы полностью согласны): в подобного рода исследованиях обязателен раздельный анализ археологических и письменных источников с четким осознанием специфики каждого из видов источников. Сопоставлению подлежат не просто археологические данные и сведения, взятые из письменных источников, но обязательно конечные результаты независимого их изучения⁵.

Настоящая статья написана в рамках именно такого подхода. Ее задачей является попытка анализа свидетельств античной письменной традиции о кочевниках Средней Азии времени завоеваний Александра Македонского. На этом этапе исследования мы, естественно, полностью абстрагируемся от археологических материалов. Необходимо указать, что в отечественной науке уже предпринимались аналогичные попытки, но они производились тогда, когда археологические материалы еще полностью отсутствовали⁶. В дальнейшем все большую роль в исследованиях по проблемам истории кочевников Средней Азии стали играть и материалы, полученные в результате археологических раскопок⁷.

Необходимость подобного исследования – ориентированного только на анализ письменной традиции – может быть показана с помощью одного, но достаточно яркого, с нашей точки зрения, примера. В целом ряде широко известных исследований и популярных работ⁸ при описании военных конфликтов между Александром Македонским и кочевниками, которые фиксируются древними авторами на берегах Сырдарьи в 329 г. до н.э., современные авторы определяют противников македонского царя как саков. Однако даже самый поверхностный анализ показывает, что в источниках, которые описывают конфликт, термин «саки» для обозначения этого народа не был употреблен ни разу⁹. Думается, что основной причиной такой аберрации, характерной не только для исследования этого периода, является давление восходящей еще к прошлому веку историографической традиции.

⁴ Медведев А.П. Античная традиция и археологические реалии скифского времени на Среднем и Верхнем Дону (Проблемы этнокультурной интерпретации) // ВДИ. 2002. № 3. С. 155.

⁵ Там же.

⁶ См., например: Григорьев В.В. О скифском народе саках. СПб., 1871; он же. Поход Александра Македонского в Западный Туркестан // ЖМНП. Ч. 217. Отд. II. 1881.

⁷ Началом современного этапа исследования кочевнических обществ Средней Азии, видимо, можно считать работу: Литвинский Б.А. «Саки, которые за Согдом» // Труды АН Таджикской ССР. Т. 120. 1960. Подробный анализ современной литературы до 1972 г. см.: он же. Древние кочевники «крыши мира». М., 1972. С. 156–173.

⁸ История Узбекской ССР. Т. I. Кн. 1. Ташкент, 1955. С. 60; Пьянков И.В. Саки (содержание понятия) // Известия Отделения общественных наук АН Таджикской ССР. № 3 (53). 1968; Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972. С. 96; Will E., Mossé C., Goukowsky P. Le monde grec et l'Orient. Т. II. Le IVe siècle et l'époque hellénistique. P., 1975. P. 286; Wirth G. Alexander der Grosse in Selbstzeugnissen und Bilddokumenten. Reinbek, 1975. S. 40; Гафуров Б.Г., Цибукидис Д.И. Александр Македонский и Восток. М., 1980. С. 252; Bosworth A.B. A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander. V. I. Oxf., 1980. P. 10; Шифман И.Ш. Александр Македонский. Л., 1988. С. 143; Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. Кн. I. Изд. 2-е. Душанбе, 1989. С. 119.

⁹ Особенно ярко это противоречие видно в «Комментарии» Босворта к соответствующим местам в сочинении Арриана, где на одной и той же строке присутствует цитата из оригинального текста, в которой стоит термин «скифы», а в комментарии употреблен термин «саки» (см. Bosworth A.B. A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander. V. II. Commentary on books IV–V. Oxf., 1995). Все дальнейшие ссылки на «Комментарий» Босворта имеют в виду т. II (кроме специально оговоренных случаев).

Необходимо указать в частности, что до сего времени в западной литературе главным авторитетом относительно маршрутов похода Александра в Средней Азии остается книга Ф. фон Шварца¹⁰, который считается знатоком проблемы, так как несколько лет провел в этом регионе. Ф. фон Шварц (о чем не следует забывать) был просто любителем. Однако только небольшая часть западных исследователей скептически относится к выводам данного автора¹¹.

С нашей точки зрения, главным недостатком основной массы работ, в которых исследуются проблемы кочевников Средней Азии, и в частности, особенно важного вопроса о зонах их обитания в различные периоды (без решения которого невозможно никакое сопоставление данных письменных и археологических источников) является то, что авторы этих исследований постоянно используют данные письменных источников самого различного времени, хотя заведомо известно, что в течение античной эпохи неоднократно имели место очень значительные по масштабам передвижения кочевых народов Средней Азии, коренным образом менявшие этническую карту этого региона. Кроме того, это особенно опасно потому, что на протяжении веков могло меняться и меняться само содержание тех понятий, которые скрывались за терминами, обозначающими различные этносы, как это было с причерноморскими скифами¹².

Вместе с тем в истории кочевых народов Средней Азии был период, когда для исторически очень короткого отрезка времени (в сущности лишь трех лет) имеется уникальный комплекс нарративных источников, что позволяет сделать своего рода тонкий хронологический «срез», характеризующий ситуацию именно в это время. Этот период – время завоевания Средней Азии Александром Македонским.

События, в которых принимали участие кочевники во время завоеваний Александра Македонского в Средней Азии, в той или иной степени освещены в сочинениях каждого из тех пяти авторов, которые являются основными источниками для изучения этого периода истории: Арриана, Курция Руфа, Плутарха, Диодора, Юстина. Преимуществом всего этого круга источников является то, что все они основаны на ограниченном круге «первичных» источников, которые были созданы или практически одновременно с описываемыми событиями или вскоре после них («Эфемериды» или своего рода «дворцовый журнал», переписка македонского царя, сочинения Каллисфена, Харета Митиленского, Онесикрита, Неарха, Птолемея Лага, Аристобула, Клитарха) людьми или непосредственно участвовавшими в описываемых событиях, или очень близко стоявшими к ним и могущими также получить доступ к ряду документальных материалов¹³.

В связи с рассматриваемой нами проблемой необходимо указать на некоторые особенности всех произведений античной традиции о походе Александра.

¹⁰ Schwartz F. von. Alexander des Grossen Feldzüge in Turkestan. 2. Aufl. Stuttgart, 1906. В то же время нам ни разу не встретилось ни одной ссылки, например, на «Историю таджикского народа», в первом томе которой содержится много более современный очерк этого периода, созданный специалистами (История таджикского народа. Т. I. С древнейших времен до V в. н.э. / Под ред. Б.Г. Гафурова и Б.А. Литвинского. М., 1963).

¹¹ См. Engels D.W. Alexander the Great and Logistics of the Macedonian Army. Berkley–Los Angeles–London, 1978. P. 99.

¹² См. Погребова М.Н., Раевский С.Д. Ранние скифы в свете письменной традиции и археологических данных // ВДИ. 1993. № 4; они же. Ранние скифы и древний Восток. К истории становления скифской культуры. М., 1992.

¹³ Levi M.A. Introduzione ad Alessandro Magno. Milano, 1977; Seibert J. Alexander der Grosse. Darmstadt, 1981. S. 3–24; Маринович Л.П. Время Александра Македонского // Источниковедение древней Греции (эпоха эллинизма). М., 1982. С. 22–35.

Все они пронизаны определенными тенденциями, что приводит постоянно к подчеркиванию одних моментов и затушевыванию других, но поскольку эти тенденции различны у разных авторов, то появляется возможность понять и воссоздать исторические реалии. Все произведения создавались их авторами в расчете на «широкий» круг читателей и поэтому должны рассматриваться не только как сочинения исторические, но и как литературные, что требует и соответствующих методов анализа. Во всех источниках, даже наиболее «рационалистических», в той или иной степени присутствует легендарный материал (например, визит к Александру царицы амазонок), который необходимо отделять от реального. Во всех источниках многочисленные речи, произносимые героями (например, речи скифских послов, обращенные к Александру перед сражением на Танаисе), сочинены самими авторами и ни в коем случае не могут считаться аутентичными. Наконец, необходимо подчеркнуть, что в том сюжете, который мы исследуем, особое место принадлежит проблеме географических «координат» того пространства, в котором разворачивалось действие, поскольку этот регион до походов Александра оставался практически неизвестным греческой науке и «освоение» его проходило в таких условиях, что неизбежны были весьма значительные ошибки, без анализа которых невозможно понять многое в содержании текстов¹⁴.

Из упомянутого нами списка пяти основных авторов наибольшего внимания требуют труды Арриана¹⁵ и Курция Руфа¹⁶, поскольку именно в них содержится львиная доля информации о том, что происходило в Средней Азии. Поэтому мы придаем особое значение проблеме сопоставления их данных. Вместе с тем, исходя из современного уровня изученности источников, мы не отдаем безусловного приоритета свидетельствам Арриана¹⁷. Современные исследователи показали, что в труде Арриана, поскольку он в значительной мере основан на сочинении Птолемея Лага, имеется целый ряд искажений исторических реалий, порожденных как пристрастиями первого из эллинистических египетских царей, желавшего принизить роль своих соперников (и лиц из их окружения), бывших, как и он сам, участниками похода Александра¹⁸, так и слишком большой зависимостью от официальных документов, исходивших из штаба Александра, в которых, например, практически всегда преувеличивались силы неприятелей и преуменьшались потери македонян¹⁹. С другой стороны, современные исследователи показали, что сочинение Курция Руфа нельзя недооценивать, как это делалось еще совсем недавно. Во-первых, отчасти подверглась переоценке роль его основного источника – Клитарха, который сейчас считается более

¹⁴ Подробнее см. Пьянков И.В. Средняя Азия в античной географической традиции. М., 1997. С. 27 сл.

¹⁵ Мы пользовались следующими изданиями и переводами Арриана: *Arrian / With an English Translation by E.I. Robson. Anabasis Alexandri in two Volumes. L.—Cambr. (Mass.), 1961–1966; Arrian. Der Alexanderzug. Indische Geschichte / Griechisch und Deutsch von G. Wirt und O. von Hinuber. T. I–II. B., 1985; Арриан. Поход Александра / Пер. с древнегреч. М.Е. Сергеев. М.—Л., 1962.*

¹⁶ Мы пользовались следующими изданиями и переводами Курция Руфа: *Q. Curti Rufi. Historiarum Alexandri Magni Macedonis. Libri qui supersunt. Recognovit Th. Vogel. Lipsiae, 1889; Quintus Curtius. With an English Translation by J.C. Rolfe in Two Volumes. L., 1946; Quint-Curce Histories. Texte établi et traduit par H. Bardon. T. I–II. P., 1948; Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. Сохранившиеся книги / Пер. под ред. В.С. Соколова. М., 1963.*

¹⁷ Как это делалось еще совсем недавно под влиянием, главным образом немецкой историографии XIX века, создавшей своего рода «культ Арриана» (см. *Seibert. Alexander der Grosse. S. 34; Маринович. Время Александра Македонского. С. 60*).

¹⁸ *Bosworth A.B. Arrian and the Alexander Vulgate // Alexandre le Grand. Image et réalité (Entretiens sur l'Antiquité classique. T. XXII). Vandoeuve—Genève, 1975.*

¹⁹ *Шахермайр Ф. Александр Македонский. М., 1984. С. 98.*

достоверным, чем ранее²⁰, во-вторых, особо была показана ценность Курция Руфа именно для того периода, который нам сейчас наиболее интересен – периода действий Александра в Средней Азии²¹.

Фактором, облегчающим наш анализ, является то обстоятельство, что основная часть информации о кочевниках Средней Азии не играла сколько-нибудь серьезной роли в идейных «конструкциях» всех авторов, писавших об Александре Македонском, и соответственно они не были заинтересованы в каких-либо манипуляциях с этой информацией.

С самого начала отметим, что в наших источниках представлены следующие кочевые народы Средней Азии или точнее представлены следующие термины, обозначающие эти народы: скифы, скифы европейские, скифы азиатские, скифы-абии, дахи, массагеты, саки.

Впервые среднеазиатские кочевники упоминаются в текстах античных авторов в связи с описанием битвы при Гавгамелах (1 октября 331 г. до н.э.)²². Это было связано с тем, что тогда впервые были призваны силы восточных сатрапов, а также контингенты союзников Дария – кочевых народов Средней Азии²³. Сведения о составе персидской армии (и соответственно кочевнических контингентов в ее рядах) вполне могут быть достаточно достоверными²⁴, так как, по свидетельству Арриана, после битвы был захвачен персидский военный архив, включая и диспозицию на битву²⁵. Затем кочевники присутствуют, как самые активные участники, во многих событиях среднеазиатских кампаний и в последний раз – уже в рассказе о походе Александра в Индию, как отдельные отряды в составе его армии (Агг. V. 12. 2; Curt. Ruf. VIII. 14. 5; IX. 2. 24).

Рассмотрим свидетельства авторов об отдельных среднеазиатских кочевых народах. Думается, что отправной точкой в нашем исследовании должен быть анализ термина «скифы».

СКИФЫ

В описании событий, непосредственно предшествующих битве при Гавгамелах, Курций Руф говорит о приходе скифов (упоминаются также бактрийцы, инды и несколько военных отрядов ряда других народов: Curt. Ruf. IV. 9. 2). Это же событие описано и Аррианом. Он дает достаточно длинный список тех народов, которые пришли на помощь Дарию, и в этом списке упоминаются саки (Агг. III. 8. 3–6). О саках, по-видимому, специально говорится потому, что они, хотя и пришли совместно с индами, «соседями бактрийцев», самими бактрийцами и согдийцами (которыми руководил Бесс – «сатрап бактрийской земли»), тем не менее их положение внутри государства и армии было особым – «они не подчинялись Бессу, а были непосредственными союзниками Дария» (οὐχ ὑπήκοοι οὗτοι Βήσσου, ἀλλὰ κατὰ συμμαχίαν τὴν Δαρείου) (Агг. III. 8. 3).

²⁰ Schachermeyer F. Alexander der Grosse. Ingenium und Macht. Graz–Salzburg–Wien, 1949. S. 129–131; *idem*. Alexander in Babylon und Reichsordnung nach seinem Tode. Wien, 1970. S. 81–92; Шахермайр. Александр Македонский... С. 5, 95–96; Will, Mossé, Goukowsky. Le monde grec... P. 249.

²¹ Radet G. La valeur historique de Quinte-Curce // CRAI. 1924. P. 355–365; Bosworth A.B. Alexander and Iranians // JHS. 1982. 100. P. 6; Маринович. Время Александра Македонского. С. 60.

²² Дандамаев М.А. Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985. С. 264.

²³ Шахермайр. Александр Македонский... С. 163–164.

²⁴ Bosworth. A Historical Commentary... P. 297.

²⁵ Арриан ссылается на Аристулу (III. 11. 3). Ф. Шахермайр (Александр Македонский... С. 164), вопреки ясному указанию Арриана, считает, что основным источником всех сведений был Каллисфен.

Кроме того, в этом описании имеется очень важное указание на то, кем являются, по мнению Арриана, эти саки: «это скифское племя из тех скифов, которые живут в Азии» (Σκυθικὸν τοῦτο τὸ γένος τῶν τῇν Ἀσίαν ἐποικοῦντων Σκυθῶν). Арриан также сообщает, что ими «предводительствовал Мавак» (ἡγεῖτο δὲ αὐτῶν Μαυάκης) и что они были «всадниками, стрелявшими из лука» (αὐτοὶ δὲ ἰπποτοξόται ἦσαν) (там же).

Таким образом, уже один этот эпизод дает нам отправную точку для понимания соотношений понятий «скифы» и «саки». Скифы – это понятие генеральное, охватывающее ряд народов, следующая ступенька на пути к более конкретному определению народа – азиатские скифы (по умолчанию подразумевается, соответственно, наличие и европейских скифов) и, наконец, самое конкретное определение – саки. Различие между Аррианом и Курцием Руфом следовательно состоит в том, что первый употребил более частный и более конкретный термин, а второй – самый общий из тех, которые могли быть использованы. Вполне вероятно, что подобное словоупотребление Курция Руфа не случайно, что он использовал этот термин намеренно, поскольку в самом описании битвы у него появляется несколько различных народов, которые он тогда же или несколько позднее называет скифскими²⁶.

В описании построения персидского войска в этой битве Арриан говорит о скифской коннице (οἱ τε Σκυθαὶ ἰππεῖς) в авангарде левого фланга (вместе с бактрийцами и сотней серпоносных колесниц) (Агг. III. 11. 6). При этом необходимо указать, что эти скифы отличаются автором от даев (дахов), которые совместно с бактрийцами и арахотами входили в состав основных сил левого фланга (Агг. III. 11. 3), а также саков, которые находились на правом фланге (Агг. III. 11. 4). Курций Руф отмечает наличие на левом фланге 1000 дахов, а также массагетов (Curt. Ruf. IV. 12. 6). Описание правого фланга у него очень суммарно. Таким образом, из сопоставления свидетельств этих двух авторов мы можем сделать следующие выводы: левое крыло персидской армии включало, по Арриану, представителей следующих среднеазиатских кочевых народов – скифов и дахов. По Курцию Руфу здесь находились дахи и массагеты. Исходя из этого, мы можем сделать вывод: тот народ, который Арриан называл (используя «генеральный» термин) скифами, у Курция Руфа был определен с помощью наиболее конкретного термина, как массагеты. На основании этого мы можем сделать еще один вывод: античные авторы в тех случаях, когда они не знают точного этнического определения для того или иного среднеазиатского кочевого народа (или в том случае, если они не хотят в силу каких-либо причин его определять точно), пользуются самым общим термином – скифы.

В самом описании битвы²⁷ особое место у всех авторов занимает прорыв персидской конницы к македонскому обозу. При этом Арриан называет тот

²⁶ Представляется совершенно неправильной концепция Э.Б. Босворта (*Bosworth*. A Historical Commentary... Р. 289), считающего, что термин саки является тем «генеральным» термином, который использовал Арриан для обозначения кочевых народов Средней Азии, а не обозначением конкретного народа. Автор не учел того, что тут же Арриан очень четко определил саков как скифский народ из тех скифов, которые живут в Азии. Кроме того, Э.Б. Босворт не учел и того обстоятельства, что далее в тексте Арриан прямо называет скифов, даев (III. 11. 6) и саков (III. 11. 4) как конкретные этносы. Автор совершенно не прав, когда считает, что дахи и массагеты, упоминаемые позднее, являются «частями» сакского этноса. Причиной этой ошибки, как мы (в более общей форме) отмечали, является постоянное использование источников самого различного времени, что мы видим и в данном случае, где Э.Б. Босворт привлекает свидетельства как Геродота, так и Страбона.

²⁷ *Seibert*. Alexander der Grosse. S. 127–129; *Marsden E.W.* The Campaign of Gaugamela. Liverpool, 1964.

отряд, который туда прорвался, состоящим из скифов и приданных им бактрийцев (Агг. III. 13. 2–3). У Диодора²⁸ также упоминается этот прорыв к обозу, и в нем участвуют кадусии и тысяча скифских всадников (Diod. XVII. 59. 5 и 8). Однако в тексте Курция Руфа вместо безличных скифов говорится о конкретных массагетах (Curt. Ruf. IV. 15. 2). Свидетельство Курция Руфа обладает особой ценностью, поскольку Арриан, как показано современными исследованиями²⁹, в силу ряда причин стремился преуменьшить значение этого успеха персов и поэтому описал его более суммарно, чем Курций Руф, у которого в данном случае не было причин затушевывать истину. Этот эпизод, с одной стороны, еще раз подтверждает наш предыдущий вывод о возможности употребления общего термина вместо конкретного, а с другой, дает нам возможность выяснить еще один метод употребления термина «скифы» античными авторами. Дело в том, что Курций Руф в описании дальнейших действий этого же самого отряда использует иные термины. Говоря о том, что подразделение македонской конницы под командованием Менида ничего не смогло противопоставить этому прорвавшемуся к обозу отряду персидской армии, он на этот раз тот же отряд определяет по-иному: он называет его состоящим из скифов и кавказцев (Curt. Ruf. IV. 15. 12). Наконец, против этого же отряда (теперь он уже называется скифским) выступает еще одно подразделение македонской конницы под командованием Ареты (Curt. Ruf. IV. 15. 13). В развернувшемся бою Арета убивает вождя скифов (Curt. Ruf. IV. 15. 18). Таким образом, мы видим еще один метод использования термина «скифы». Курций Руф начинает рассказ с указания на конкретный этнос, а затем, видимо, не желая повторяться, использует более общий.

Подводя итоги этой части нашего исследования, мы можем с достаточно большой долей уверенности говорить о том, что термин «скифы» античные авторы, описывавшие поход Александра Македонского, употребляли в следующих случаях: 1) когда имели в виду вообще кочевые племена, населявшие Среднюю Азию и южнорусские степи; 2) когда они имели в виду несколько народов этого типа и не стремились уточнить, о каких именно конкретных народах шла речь; 3) когда авторы не знали (или в силу каких-либо причин не хотели сообщить) точное название народа; 4) когда авторы, назвав уже конкретный народ, в дальнейшем в чисто редакционных целях, стараясь избежать повторений, использовали термин «скифы» вместо конкретного термина.

Рассмотрение последующих событий только укрепляет нас в справедливости данного вывода. После битвы при Гавгамелах среднеазиатские кочевники появляются в текстах в тот момент, когда вслед за завоеванием Месопотамии, Сузианы и Персиды Александр двинулся в Мидию, где находился Дарий. Об этом сообщает, правда, только Арриан. Сначала Александр узнает, что к Дарию прибыли союзники-скифы и кадусии (Агг. III. 19. 3). Чуть позже выясняется, что эта информация – ложная и скифы не пришли на помощь к персидскому царю (Агг. III. 19. 4). К сожалению, никакой дополнительной информации о том, кто конкретно понимался в данном случае под этим общим термином, нет.

Движение войск Александра Македонского к Экбатанам привело к бегству Дария из этого города. Во время этого отступления среди части персидской

²⁸ Мы пользовались следующими изданиями и переводами труда Диодора: Diodorus of Sicily. With an English Translation by R.M. Geer. V. IX–X. L.–Cambr. (Mass.), 1962–1961; *Диодор*. Историческая библиотека. Кн. XVII // Доп. к кн.: *Арриан. Поход Александра* / Пер. М.Е. Сергеев. М., 1962.

²⁹ Bosworth. Arrian and the Alexander Vulgate. P. 9–11.

знати, во главе которой стоял сатрап Бактрии Бесс, созрел заговор. Дарий сначала был арестован, а затем убит заговорщиками (июль 330 г. до н.э.)³⁰. Бесс со своими соратниками и отрядами верных ему войск бежал в Бактрию. Перед приходом армии Александра в Бактрию ей предстояло еще покорить Гирканию, Арию, Дрангиану, Арахозию и преодолеть горы Паропомисада. В 329 г. армия Александра оказалась на южных рубежах Бактрии. События, которые развернулись здесь, снова потребовали участия воинских контингентов из среды среднеазиатских кочевников. В результате этого они вновь появились на страницах наших источников.

Еще в тот момент, когда Александр находился в пределах Арии, некие персы принесли ему информацию о действиях Бесса: «Бесс надел высокую тиару и персидскую столу, называет себя не Бессом, а Артаксерксом, и говорит, что он царь Азии. К нему собрались персы, бежавшие в Бактрию, много бактрийцев, и он поджидает прихода скифов-союзников» (Σκυθας ζυμμάζους) (Агг. III. 25. 3). Несколько позднее Арриан дает чуть иную информацию. На этот раз он сообщает о тех силах, которые реально были в распоряжении Бесса: он говорит о персах, принимавших участие в аресте Дария, бактрийцах, которых было около 7000, и «даях, народе, живущем за Танаисом» (καὶ Δάας τοὺς ἐπὶ τᾷδε τοῦ Τανναΐδος ποταμοῦ ἐποικοῦντας) (Агг. III. 28. 8). Здесь необходимо обратить внимание на то, что из трех упомянутых народов в обоих случаях совпадают два: персы и бактрийцы. Что же касается третьего составляющего элемента, то в одном случае о них говорится как о скифах-союзниках, которые должны прийти, а в другом – как о даях, которые имеются в наличии. Есть все основания полагать, что здесь имелся в виду один и тот же народ. Таким образом, и в данном случае мы сталкиваемся с ситуацией, когда термин «скифы» употребляется в качестве заменителя конкретного термина (здесь даи). Однако в тексте Курция Руфа, говорящего о тех же самых событиях, картина несколько иная. Так, в речи Бесса, в которой он обещает своим сторонникам, что к ним на помощь придут различные народы, упоминаются среди прочих и дахи и скифы, живущие за Танаисом (*Venturos autem Chorasmios et Dahas Sacasque et Indos et ultra Tanaim amnem colentes Scythas*) (Curt. Ruf. VII. 4. 6). Несколько позднее, в тот момент, когда Александр находился в столице Бактрии Бактрах, ему становится известно о том якобы, что на помощь Бессу подходят скифы, живущие за рекой Танаис (*Scythas, qui ultra Tanaim amnem colunt, adventare, Besso ferentes opem*) (Curt. Ruf. VII. 4. 32). Эта информация содержится только у Курция Руфа. Не известно, было ли это сообщение правдивым или ложным.

Для нашей темы наиболее важны, однако, не эти вопросы, но иные – терминологические. Оставим сейчас рассмотрение вопроса о дахах, отметим только, что они определяются, как «живущие за Танаисом». Для нас важно другое наблюдение: в двух приведенных выше местах Курция Руфа говорится о скифах (явно отличающихся от дахов), имеющих очень четкий определитель – «скифы, живущие за Танаисом» («*ultra Tanaim amnem colentes Scythas*» и «*Scythas, qui ultra Tanaim amnem colunt*»). Таким образом, помимо термина «скифы», с употреблением которого мы уже знакомы, Курций Руф использует еще и дополнительный термин – «скифы, живущие за Танаисом», который, кажется, указывает на какой-то определенный этнос.

³⁰ Дискуссию о дате см. *Seibert. Alexander der Grosse*. S. 139–140.

Еще один скифский этнос присутствует в тех частях текста Арриана и Курция Руфа, которые описывают пребывание Александра Македонского уже на территории собственно Средней Азии. Мы имеем в виду информацию о приходе к нему послов. Арриан рассказывает о приходе послов «от скифов, именуемых абиями» (Σκυθῶν τῶν Ἀβίων καλούμενων). Тут же автор дает краткую справку о них: историческую («их воспел Гомер в своей поэме, назвав справедливейшими людьми»), географическую («они живут в Азии») и этнографическую («независимы – в значительной мере благодаря бедности и справедливости») (Арг. IV. 1. 1).

Одновременно прибыли послы и от другой группы кочевников – европейских скифов (ἐκ τῆς Εὐρώπης Σκυθῶν), о которых Арриан говорит только следующее: «это самое большое племя, живущее в Европе» (οἱ δὲ τὸ μέγιστον ἔθνος ἐν τῇ Εὐρώπῃ ἐποικοῦσι) (Арг. IV. 1. 1). Далее Арриан рассказывает о действиях Александра в связи с прибытием этих послов: «С ними Александр отправил кое-кого из своих "друзей" под предлогом заключения дружбы; настоящая же цель этого посольства была в том, чтобы познакомиться с природой скифской земли и узнать, велико ли народонаселение, каковы его обычаи и с каким вооружением выходит оно на войну» (Арг. IV. 1. 2).

Почти та же самая информация имеется и у Курция Руфа. Согласно его сообщению, к Александру «прибыли послы скифов-амбийцев (*legati deinde Ambiorum Scytharum superveniunt*), сохранявших свободу со времени смерти Кира, теперь же желавших подчиниться Александру. Их признавали самым справедливым племенем варваров; они брались за оружие, только когда их задевали; по опыту умеренной и справедливой свободы они уравнили между собой простых людей и старейшин. Царь беседовал с ними милостиво и послал к европейским скифам одного из "друзей", по имени Пенда, передать им, чтобы они не переходили без его разрешения границу своей области, реку Танаис (*ne Tanaim amnem regionis iniussu regis transirent*). Ему же было поручено ознакомиться с характером страны и посетить скифов, живущих на берегах Боспора» (*Scythas, qui super Bosporon incolunt, viseret*) (Curt. Ruf. VII. 6. 11–12).

Таким образом, в этом наборе сообщений имеется информация о двух различных скифских этносах: скифах-абиях (по Арриану), скифах-амбиях (по Курцию Руфу), которые, бесспорно, представляли один и тот же этнос. Хотя детали информации и расходятся, тем не менее в основе она одна и та же. Оставим пока в стороне проблему абиев³¹ и сосредоточим свое внимание на другой группе скифов, упомянутых в этих источниках.

О них говорят и Арриан, и Курций Руф. В чем сходится и в чем расходится их информация? Единственное расхождение в информации о событиях в сообщениях двух авторов состоит в том, что в тексте Арриана очень определенно говорится, что одновременно с посольством от абиев прибыло посольство и от европейских скифов. В тексте же Курция Руфа этот вопрос «смазан» и мо-

³¹ Мы не решаемся в данной работе рассматривать вопрос о скифах-абиях, поскольку в античной традиции этот кочевой народ занял совершенно особое место как своего рода воплощение благородной и мудрой бедности, и поэтому практически невозможно отделить реальную основу сведений о нем от чисто литературной традиции. См. Куклина И.В. "Ἀβίοι в античной литературной традиции // ВДИ. 1969. № 3. Вдобавок ситуацию усугубляет установившаяся в античной литературе связь абиев с представлением об скифе Анахарсисе, которого эта традиция сделала чисто фольклорным персонажем. См. Куклина И.В. Анахарсис // ВДИ. 1971. № 3, а также Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Тексты, перевод, комментарий. М., 1982. С. 187, 316. См. также Bosworth. A Historical Commentary... P. 13–15.

жет создаться впечатление, что второго посольства не было и царь просто воспользовался приходом послов от абиев, чтобы завязать контакты с европейским скифами.

Что касается остальной информации, то она в значительной мере совпадает. У обоих авторов македонский царь посылает к европейским скифам посольство (по Арриану – «кое-кого из своих “друзей”», по Курцию Руфу – «одного из “друзей”», по имени Пенда»). Цель миссии – двойная: 1) разведывательная («настоящая же цель этого посольства была в том, чтобы познакомиться с природой скифской земли и узнать, велико ли народонаселение, каковы его обычаи и с каким вооружением выходит оно на войну» – по Арриану, «ему же было поручено ознакомиться с характером страны» – по Курцию Руфу); 2) дипломатическая («под предлогом заключения дружбы» – у Арриана, «передать им, чтобы они не переходили без его разрешения границу своей области, реку Танаис... посетить скифов, живущих на берегах Боспора» – по Курцию Руфу). Таким образом, при совпадении в основных чертах информации у двух авторов, Курций Руф дает более развернутую характеристику дипломатической стороны миссии. Из этой характеристики следует, что границей обитания европейских скифов является река Танаис и что они находятся сравнительно недалеко от Боспора.

Для понимания того, кого имели в виду авторы, необходимо обратиться к дальнейшему изложению событий. Основное, что характеризует этот период, – столкновение именно на берегах реки Танаис³². События Арриан представляет следующим образом: «В это время на берега Танаиса прибыло войско азиатских скифов (τῶν ἐκ τῆς Ἀσίας Σκυθῶν); многие прослышали о восстании варваров, живущих за рекой, и собирались и сами напасть на македонян, если восстание окажется действительно серьезным» (Агг. IV. 3. 6)³³. Скифы не уходили от реки и провоцировали Александра. В раздражении он решил переправиться через реку и напасть на них. Однако знамения были неблагоприятными. Несмотря на это, Александр начал переправу при поддержке огня своих боевых машин: «машины по данному знаку стали метать стрелы в скифов, скакавших на лошадях по берегу. Некоторые были ранены; одному стрела пробила насквозь щит и панцирь и он упал с лошади. Скифы испугались стрел, летящих на такое большое расстояние, и того, что богатырь их убит, и отошли немного от берега» (Агг. IV. 4. 4). Воспользовавшись этим, армия Александра начала переправу. В результате достаточно горячего сражения македонская армия опрокинула скифов. «Их пало около тысячи, в том числе один из их предводителей, Сатрак; в плен взято было человек полтора» (Агг. IV. 4. 8). В ходе преследования Александр напился плохой воды и заболел. «В скором времени к Александру явились послы от скифского царя (παρὰ τοῦ βασιλέως Σκυθῶν) с извинениями в том, что произошло: действовал ведь не скифский народ в целом (οὐκ ἅπλῳ τοῦ κοινοῦ τῶν Σκυθῶν), а шайка разбойников и грабителей; царь же готов исполнить все, что прикажет Александр» (Агг. IV. 5. 1).

³² Seibert J. Die Eroberung des Perserreiches durch Alexander den Grossen auf kartographischer Grundlage. Wiesbaden, 1985. S. 132.

³³ По-видимому, справедливо мнение тех исследователей, которые считают, что и у Арриана, и у Курция Руфа в описании этих событий, несмотря на общее сходство, были различные источники: у Арриана – Аристокл и Птолемей, а у Курция Руфа, – возможно, Клитарх, хотя и не обязательно только он. При этом, например, речи скифских послов у Курция Руфа, конечно, не заимствованы из источника, а сочинены самим Курцием в духе стоических концепций. См. Hammond N.G.L. Three Historians of Alexander the Great. The So-called Vulgate Authors, Diodorus, Justin and Curtius. Cambr., 1983. P. 143–144.

В описании Курция Руфа эти же события выглядят следующим образом: «Царь скифов, держава которого простиралась тогда по ту сторону Танаиса (At rex Scytharum, cuius tum ultra Tanaim imperium erat), считал, что город, основанный македонянами на берегу реки [имеется в виду Александрия Эсхата], является ярмом на его шее. Поэтому он послал брата по имени Картазис с большим отрядом всадников разрушить этот город и далеко отогнать македонское войско от реки» (Curt. Ruf. VII. 7. 1). Немедленно вслед за этим идет объяснение географической ситуации: «Танаис отделяет бактрийцев от скифов, называемых европейскими. Кроме того, он является рубежом Азии и Европы» (Bactrianos Tanais ab Scythis, quos Europaeos vocant, dividit. Idem Asiam et Europam finis interfluit) (Curt. Ruf. VII. 7. 2). Далее события развиваются следующим образом. Александр решает напасть на скифов, находящихся на другом берегу, в Европе. Обсуждая с ближайшими помощниками ситуацию, он, наряду с другими соображениями, высказывает и следующее: «пока пришел только один отряд этого племени (скифов), других полчищ еще ждут» (Curt. Ruf. VII. 7. 17). Как и в рассказе Арриана, большое место занимает проблема неблагоприятных предсказаний. Правда, в отличие от Арриана, здесь предзнаменования в конце концов стали благоприятными. Перед началом переправы в лагерь Александра приходят 20 скифских послов. Большое место в рассказе Курция Руфа занимает та речь, с которой старейший из послов обращается к Александру. После этого начинается рассказ о переправе македонского войска. В этом рассказе, в деталях отличающемся от рассказа Арриана, важная роль также принадлежит метательным машинам. Войско скифов (уточняется, что оно было конным) не выдержало удара македонян и бежало. Долгое преследование принесло еще больше потерь скифам (Curt. Ruf. VII. 9. 2–16).

Далее Курций Руф дает описание результатов победы: «Этот поход благодаря молве о столь удачной победе привел к усмирению значительной части отпавшей Азии. Ее население верило в непобедимость скифов; их поражение заставило признать, что никакое племя не сможет сопротивляться оружию македонян...» (Curt. Ruf. VII. 9. 17).

Этот блок информации представляет определенную трудность для интерпретации. Отметим прежде всего то, что совпадает у двух авторов. Оба автора начинают с того, что в сущности дают совершенно одинаковую географическую картину происшедших событий³⁴, кроме того, они достаточно точно определяют этнос противников Александра: Арриан – как азиатских скифов, Курций Руф – как европейских³⁵. В дальнейшем они, как обычно, пользуются сокращенным вариантом наименования, называя их просто скифами. Большинство информации полностью совпадает: оба автора указывают, что вражеские отряды располагались на другом берегу реки Танаис. Точно так же они говорят о царстве скифов (до этого ни у одного кочевого народа, упомянутого нашими источниками, цари и царская власть не фиксируются). Из тех сведений, которые представлены только у одного автора, но не противоречат свидетельствам другого, необходимо отметить следующее: указание Арриана о том, что в данном скифском обществе возможно военное предприятие, которое не является предприятием всего государства, а осуществляется только частью этого общества.

³⁴ Seibert. Die Eroberung des Perserreiches... S. 132–133.

³⁵ В книге А.С. Шофмана (*Шофман А.С. Восточная политика Александра Македонского. Казань, 1976. С. 131*) автор, ссылаясь именно на эти места в тексте Курция Руфа, тем не менее называет этих скифов азиатскими.

Столь же важно, что эта группа, организующая данное предприятие и участвующая в нем, определяется как шайка разбойников и грабителей.

Основное противоречие же, зафиксированное при сопоставлении свидетельств двух авторов, состоит в том, что Арриан называет скифов, с которыми сражался Александр, азиатскими, в то время как Курций Руф – европейскими. Не входя в рассмотрение всех достаточно сложных вопросов, связанных с проблемой границ завоеваний Александра и соотношения их с границами ойкумены³⁶, мы отметим только, что, как доказал П. Гуковски, Курций Руф следовал географической схеме Клитарха³⁷. Возникновение представлений, свойственных этой схеме, хорошо показал Страбон: «И общеизвестные рассказы, сочиненные для прославления Александра, не находят всеобщего признания; их сочинители думали больше о лести, чем об истине. Так, например, они переносят название "Кавказ" с гор, возвышающихся над Колхидой и Евксинским Понтом, на Индийские горы и лежащее поблизости от них Восточное море» (Strabo. XI. 5. 5)³⁸.

Именно это уподобление двух совершенно различных горных цепей привело к тем поразительным ошибкам в понимании географической ситуации, которые мы видим (в той или иной степени) у всех авторов, описывавших поход Александра Македонского в Средней Азии. Страбон не прав только в одном, он считал, что искажение географических реалий происходило из желания польстить Александру. Причина в действительности была иной, она была порождена особенностями греческого мифологизированного мышления и массового сознания.

Как известно, в процессе колонизации греки сталкивались с неизвестными им ранее территориями и народами, и существовала необходимость их «освоения» как в чисто физическом, так и в ментальном отношении. Для мифологизированного сознания это означало перенесение на осваиваемые территории зоны деятельности греческих богов и героев, что делало эти страны из незнакомых знакомыми, из враждебных – дружественными³⁹. Этот принцип действовал не только в период Великой греческой колонизации, но и в период походов Александра Македонского. Сам Страбон чуть ниже дает примеры этого, показывая, как греки «осваивали» новые территории: путем связывания их с мифами о Геракле и Прометее⁴⁰.

Дальнейшим развитием этой схемы стало уподобление среднеазиатских рек рекам Северного Причерноморья, текущим сравнительно недалеко от Кавказа. Так, в частности река Сырдарья (Яксарт) стала восприниматься как река Танаис (Дон), а поскольку, по представлениям древних, именно Танаис был границей между Европой и Азией, то естественным результатом этого уподобления стало представление о том, что кочевники, находившиеся на восточном берегу Сырдарьи, – это европейские скифы⁴¹. Эта идея, как мы отмечали,

³⁶ Goukowsky P. Essai sur les origines du mythe d'Alexandre (336–270 av. J.-C.). V. I. Les origines politiques. Nancy, 1978. P. 149–165. См. также Пьянков. Средняя Азия... С. 27–63.

³⁷ Goukowsky. Essai... P. 155–159. См. также Пьянков И. В. Средняя Азия... С. 37 сл.

³⁸ Мы пользовались следующими изданиями и переводами Страбона: Strabon. The Géographie with an English Translation by H. L. Jones. In eight Volumes. V. V. Cambr. (Mass.)–L., 1975; Strabo. Géographie. T. VIII (Livre XI). Text établi et traduit par F. Lassere. P., 1969; Страбон. География в 17 книгах / Пер., ст. и коммент. Г. А. Стратановского, под общей ред. С. Л. Утченко, ред. перевода О. О. Крюгер. М., 1994.

³⁹ Dougherty C. The Poetics of Colonization. From City to Text in Archaic Greece. N.Y.–Oxf., 1993.

⁴⁰ См. также Strabo. XV. 1. 6–8.

⁴¹ Goukowsky. Essai... P. 158.

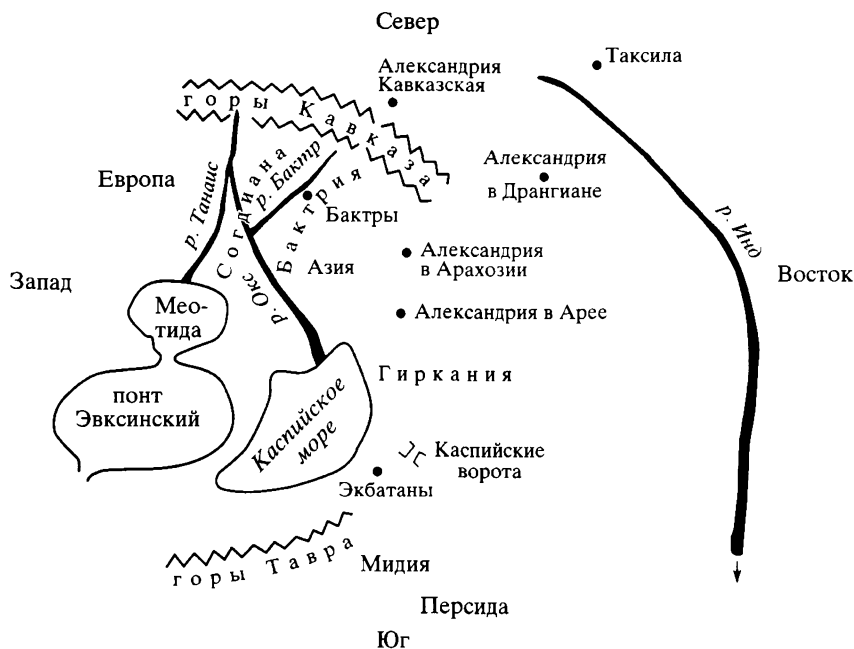

Рис. 1. Географическая схема Клитарха (по П. Гуковски)

наиболее ярко была представлена в труде Клитарха, откуда ее заимствовал Курций Руф. Все эти наблюдения над географическими концепциями времени Александра давно уже делались в науке⁴², однако П. Гуковски очень удачно суммировал эти наблюдения и наглядно представил их на карте, которую мы у него заимствуем (рис. 1). Более сложная картина с географическими представлениями Арриана. Он, в частности, больше ориентировался на географические представления Эратосфена, хотя далеко не всегда⁴³. В том, что касается реки Танаиса (Сырдарьи), он довольно сильно расходился с Курцием Руфом: «Оттуда он двинулся к реке Танаису. Истоки этого Танаиса, который местные варвары называют еще, по словам Аристобула, Орксантом, находится тоже на горе Кавказ; впадает и эта река в Гирканское море. Должен быть еще другой Танаис, о котором историк Геродот пишет, что это восьмая река у скифов: она вытекает из большого озера, а впадает в озеро еще большее; называется оно Меотийским. Некоторые говорят, что этот Танаис является границей между Европой и Азией; по их мнению, Меотийское озеро выходит из глубины Эвксинского моря, и в это озеро и впадает Танаис, разделяющий Азию и Европу, подобно тому, как море между Гадирами и ливийскими номадами, живущими напротив Гадир, отделяет Ливию от Европы; по их же мнению, Ливия отделена от остальной Азии рекой Нилом» (Аг. III. 30. 7–9). Как мы видим, Арриан (во всяком случае в данном месте) четко различает два Танаиса: Танаис-Дон, который разделяет Европу и Азию, и тот Танаис, на берегах которого оказалась армия Александра. Поэтому для него скифы, с которыми пришлось сражаться Александру, – азиатские.

⁴² Bosworth. A Historical Commentary... I. P. 377–378.

⁴³ Ibid. P. 32.

В последующее время скифы упоминаются в рассказах о двух событиях: гибели большого македонского отряда под Маракандой⁴⁴ и набеge Спитамена на Бактрию⁴⁵. Однако в обоих случаях мы имеем возможность выявить, какой именно скифский этнос имелся в виду. В первом случае Курций Руф уточняет, что имелись в виду дахи, во втором случае – сам Арриан позднее разъясняет ситуацию, указывая, что речь шла о массагетах.

Следующий сюжет, где вновь говорится о скифах, – прибытие послов⁴⁶. Согласно Курцию Руфу, Александр тогда находился в Маракаде: «Туда приехал к нему Берда, посланный им в свое время к скифам, живущим за Боспором. Он прибыл с послами этого народа. Фратаферн, стоявший во главе Хорезма, объединившись с соседями по области массагетами и дахами, также послал людей уверить царя в своей покорности...». Далее автор рассказывает, что скифы предлагали Александру взять в жены дочь их царя. Если же Александр сочтет ее недостойной этого брака, то послы предлагали, чтобы знатнейшие македоняне вступили в брак со знатными женщинами скифского народа, а их царь сам прибудет к Александру (Curt. Ruf. VIII. 1. 7–9).

Те же самые события отнесены Аррианом к несколько более раннему времени, но описываются в основных чертах аналогичным образом (с добавлением некоторых деталей и с иным именем правителя Хорезма): «К Александру пришло опять посольство от европейских скифов; с ними были и послы, которых он сам отправил к скифам. Скифский царь как раз умер, когда их послал Александр, и теперь царствовал его брат. Посольство должно было сообщить, что скифы готовы сделать все, что скажет им Александр; ему поднесли от скифского царя дары, которые у скифов почитаются самыми драгоценными; царь готов выдать за Александра и свою дочь ради укрепления дружественного союза. Если Александр не удостоит скифскую царевну своей руки, то царь готов выдать за самых верных друзей Александра дочерей скифских сатрапов и прочих могущественных людей скифской земли. Царь и сам придет к Александру, если он ему это прикажет, чтобы от него самого услышать его распоряжения. В это же время пришел к Александру и Фарасман, царь хорасмиев, с конницей в полторы тысячи человек. Фарасман рассказал, что он живет по соседству с племенем колхов и с амазонками, и вызвался, если Александр пожелает, ударив на колхов и амазонок, покорить заодно и племена, живущие у Эвксинского моря, быть ему проводником и заготовить все необходимое для войска» (Агг. IV. 15. 1–4).

Бесспорно, у обоих авторов имеются в виду одни и те же события и рассказы о них совпадают в столь значительном количестве деталей (идентичность рассказа о брачных предложениях и объединение в один блок рассказа о посольстве от скифов и хорезмийцев), что это не может быть случайным и единственное приемлемое объяснение – весь этот сюжет у обоих авторов восходит к одному и тому же источнику – в данном случае к Клитарху⁴⁷. Кроме того, несомненно, что этот сюжет является прямым продолжением того сюжета, который мы рассматривали несколько выше – о посольстве, которое было послано самим Александром⁴⁸. На основании сообщений обоих авторов можно

⁴⁴ Seibert. Die Eroberung des Perserreiches... S. 132–133.

⁴⁵ Ibid. S. 137–138.

⁴⁶ Ibid. S. 135; Daffina P. Aral, Caspio, Tanais // Rivista degli Studi Orientali. 43. 1968.

⁴⁷ Hammond. Three Historians... P. 145.

⁴⁸ Конечно, в сообщении Курция Руфа имеется небольшое противоречие. В первом случае его посол носит имя Пенда, во втором – Берда, однако, надо думать, что здесь имелся в виду один и тот же человек, а причина различий – в плохом качестве рукописной традиции.

представить реальную картину обмена посольствами: сначала Александр посылает своих послов; в то время, когда они находятся в ставке скифского царя, происходит конфликт на берегах Танаиса; скифский царь присылает свое посольство с извинениями, наконец, приходит еще одно посольство от скифов (в таком случае становится понятным упоминание Арриана о том, что «опять» пришло посольство от скифов) вместе с теми послами Александра, которых он ранее отправил уже к скифам. Отмечается, что это посольство прибыло по поводу смены царей: вместо умершего царя на трон вступил его брат.

В информации наших авторов имеется некоторое расхождение в деталях: Арриан говорит о прибытии послов от европейских скифов, Курций Руф – о посольстве от скифов, живущих за Боспором. Значение последнего указания мы объяснили выше. Для нас же важно в данном контексте следующее: то скифское политическое объединение, которое Арриан ранее называл азиатскими скифами, сейчас определяется, как европейские скифы, что объясняется тем, что в данном случае он основывался на сведениях Клитарха.

Еще один раз информация о среднеазиатских скифах появляется в сообщениях Арриана и Курция Руфа, когда они рассказывают о походе Александра уже в Индии. Арриан сообщает, что накануне битвы с Пором Александр взял часть армии для тайного марша и неожиданной переправы. В состав ее входили в числе других подразделений отряды даев и скифов (Арт. V. 12. 2). Об этом же событии сообщает и Курций Руф: на авангард войска Пора напала конница Александра, а именно скифы и дахи (Curt. Ruf. VIII. 14. 5). Последний раз о скифах говорится в источниках, когда Александр уговаривает своих солдат продолжить поход в Индии. Одним из аргументов в его речи было указание на то, что в составе его армии сражаются скифы и дахи: «О нашей малочисленности надо было думать тогда, когда мы переплывали Геллеспонт; теперь за нами следуют скифы, помощь нам оказывают бактрийцы, среди нас сражаются дахи и согдийцы» (Curt. Ruf. IX. 2. 24). Думается, что в данном случае термин «скифы» употреблен в конкретном значении – здесь и Арриан, и Курций Руф имеют в виду тот конкретный скифский народ, который они ранее называли европейским скифами или скифами, живущими за Танаисом. Поскольку рядом со скифами постоянно упоминаются дахи, т.е. термин совершенно конкретный, то наиболее естественным будет предположение, что и второй термин (скифы) – также конкретный. В таком случае единственный конкретный народ, который может быть так назван, – это европейские скифы (они же скифы, живущие за Танаисом).

Подводя итоги этой части исследования, можно, кажется, утверждать следующее. Методика употребления термина «скифы» у античных авторов, описывавших поход Александра Македонского, достаточно проста. Следуя этой методике, мы установили, что авторы конкретно говорили о двух народах: скифах-абиях и скифах, которые обитали за Танаисом (или европейских скифах); оставив в стороне абиев, мы сосредоточим внимание на последних. Исходя из всей информации, можно обрисовать данное общество следующим образом. Это единственное кочевническое объединение Средней Азии, имевшее государственную организацию. Его границы, насколько можно судить, проходили по Сырдарье. Следовательно, центр этого государственного объединения должен был располагаться где-то севернее или восточнее того места, где разразился конфликт на берегах Танаиса. Судя по тому, сколько времени проходило между двумя посольствами, можно думать, что этот центр располагался доста-

точно далеко. В рассматриваемый период происходила смена царей на престоле. При этом важно, что наследовал умершему царю не его сын, а брат. К сожалению, мы не знаем, было ли это обычной практикой (что очень часто бывает в кочевнических обществах) или фактом экстраординарным. Наши источники говорят о наличии знати в данном обществе и, возможно, наличии территориально-административного деления (упоминания в тексте сатрапов). Армия данного государственного образования состояла из конницы, при этом можно считать, что не вся конница была легковооруженными стрелками из лука. Эпизод на берегах Сырдарьи говорит о том, что некоторые из всадников имели доспех и щит.

Очень важным обстоятельством является то, что в этом обществе возможны были «частные» (т.е. не санкционированные государством) военные предприятия. При этом участники таких предприятий определялись как разбойники и грабители. К сожалению, мы не знаем самоназвания этого народа или того термина, которым его обозначали соседи. Точно так же остается не ясным соотношение этого государственного объединения с дахами, о которых известно, что они тоже обитали за Танаисом.

САКИ

Еще один кочевнический среднеазиатский этнос, который описан на страницах исследуемых нами источников, – саки. Мы еще раз обращаем внимание на то обстоятельство, что современные исследователи очень часто называют те народы, которые в источниках определяются по-иному, саками.

Впервые о них упоминает Арриан незадолго до битвы при Гавгамелах. Они присутствуют в длинном списке тех народов, которые пришли на помощь Дарию (Агг. III. 8. 3–6). Как мы указывали выше, у Арриана дается достаточно важная информация об этом народе: отмечается их политический статус (саки не подчинялись бактрийскому сатрапу, а были союзниками непосредственно царя, указывается имя их предводителя – Мавак); место обитания (Азия); этнографическая характеристика («саки – это скифское племя»); военная специализация (конные стрелки из лука). Курций Руф для обозначения этого контингента употребляет безличный термин «скифы» (Curt. Ruf. IV. 9. 2). В описании построения персидской армии саки упоминаются Аррианом среди тех контингентов, которые стояли на правом фланге (напомним, что Курций Руф этот фланг описывает очень суммарно). Соседями их были воины из Келесирии, мидяне, парфяне (Агг. III. 11. 5).

Еще раз саки упоминаются в тексте Курция Руфа, где сообщается о речи Бесса, в которой он, хвастаясь, говорит о том, что к нему должны прийти на помощь различные народы, в том числе и саки (Curt. Ruf. VII. 4. 6). Однако, если судить по перечислению тех народов, которые были в его распоряжении (см. ниже), сакские подкрепления так и не появились.

В последний раз саки в период походов Александра Македонского упоминаются в период после разгрома скифов на берегах реки Танаис. Курций Руф дает описание результатов этой победы: народы Азии верили в непобедимость скифов и их поражение заставило поверить в непобедимость македонян: «В связи с этим саки направили послов с обещанием, что их племя будет соблюдать покорность Александру (*Itaque Sacae misere legatos, qui pollicerentur, gentem imperata facturam*). Побудила их это сделать не только доблесть царя, но и его снисходительность к побежденным скифам: всех пленников он отпустил без выкупа, чтобы

тем самым подтвердить, что с отважнейшим из племен он состязался в храбрости, а не в ярости. Итак, милостиво приняв сакских послов, он дал им в спутники Эксципина (в некоторых рукописях – Евксениппа), еще совсем молодого человека...» (Curt. Ruf. VII. 9. 17–19).

Может создаться впечатление, что существует противоречие между сообщениями Курция Руфа и Арриана относительно тех событий, которые произошли после поражения скифов на Танаисе. Арриан говорил о посольстве от царя скифов, пришедшего с извинениями за инцидент, Курций Руф же – о посольстве от саков. С нашей точки зрения, противоречия здесь нет, так как Арриан сообщал о непосредственных результатах конфликта, Курций Руф – наоборот – о некоторой исторической перспективе. Ясно, что должно было пройти достаточно значительное время, прежде чем новость об этом событии стала всеобщим достоянием и были сделаны конкретные шаги руководителями различных политических образований, вытекающие из факта разгрома скифов. Вдобавок, Курций Руф в данном конкретном месте четко различает скифов и саков.

Попытаемся сделать некоторые выводы относительно этого кочевого народа в эпоху Александра Македонского. Отметим прежде всего, что источники связывают саков с территориями западной части Средней Азии. Об этом свидетельствует достаточно определенно тот факт, что в строю они стоят совместно с парфянами и мидянами, так как персидская армия всегда организовывалась по административно-территориальному принципу. В подтверждение этому выводу можно привести также еще одно соображение – саки не принимали никакого участия в той борьбе, которая развернулась в более восточной части среднеазиатского региона. То обстоятельство, что их называли скифским народом, живущим в Азии, также свидетельствует о том (учитывая те наблюдения, которые были сделаны выше относительно границ между Азией и Европой по Клитарху), что зона обитания саков, если ориентироваться на современные географические термины, должна быть ограничена с запада Каспийским морем, с востока – Сырдарьей. В пределах этой территории можно еще более точно указать на их зону обитания: поскольку саки никак не были связаны с событиями, происходившими в Согдиане и Бактрии, то, вероятнее всего, она может быть ограничена на востоке Амударьей.

Особое значение надо придать и свидетельству Арриана о том, что саки находились в составе персидской армии как союзники. Этот институт союзничества достаточно подробно исследовался в последние годы. Он прекрасно объясняет причину отсутствия саков в составе войск Бесса: союзнические отношения окончились со смертью царя Дария. Следующий царь, согласно существующей практике, должен был их возобновить посредством нового договора. Однако вряд ли у Бесса была такая возможность.

Важны также свидетельства о военной специализации саков и, кажется, о наличии у них определенной социальной стратификации и определенной политической системы.

ДАИ (ДАХИ)

Дахи (в тексте Курция Руфа) или даи (в тексте Арриана) впервые упоминаются среди тех народов, которые участвовали в битве при Гавгамелах. Согласно Арриану, они находились на левом фланге (вместе с бактрийской конницей и арахотами) (Arr. III. 11. 3). Свидетельство Курция Руфа в значительной степени совпадает со свидетельством Арриана. Они, по Курцию Ру-

фу, находились на левом фланге: «на левом фланге шли бактрийские всадники, всего тысяча коней, столько же дахов; арахозцы и сузиане составляли четыре тысячи. За ними следовало сто серпоносных колесниц, следом за квадригами шел Бесс с восемью тысячами всадников, тоже бактрийцев» (Curt. Ruf. IV. 12. 6).

В момент начала военных действий уже непосредственно на территории Средней Азии также упоминаются дахи. У Арриана в рассказе о той информации, которую получил Александр, говорится, что Бесс, объявивший себя царем, ожидает прихода скифов-союзников (Arr. III. 25. 3). Дальнейшая информация, дошедшая до македонского царя, доказывает (как мы постарались показать выше), что под этими скифами-союзниками скрывались дахи. В перечислении тех реальных сил, которыми располагал Бесс, упоминаются и дахи: «персы, принимавшие участие в аресте Дария, около 7000 бактрийцев и даи, народ живущий за Танаисом» (Arr. III. 28. 8). Практически та же самая информация имеется в рассказе Арриана об отступлении Бесса из Бактрии в Согдиану: «Бесс, когда ему сообщили, что Александр уже близко, переправился через реку Окс; суда, на которых они переправились, сжег и ушел в согдийскую землю, в Навтаки. За ним последовали Спитамен, Оксиарт с согдийскими всадниками и даи с Танаиса. Бактрийские всадники, узнав, что Бесс решил бежать, разошлись в разные стороны к себе по домам» (Arr. III. 28. 9–10).

Очень близкая информация содержится в сообщении Курция Руфа. Рассказывая о пире, устроенном Бессом, Курций Руф приводит слова последнего, который говорил о том, какие к нему придут сильные подкрепления: хорезмийцы, дахи, саки, инды и обитающие за рекой Танаис скифы (*Venturos autem Chorasmios et Dahas Sacasque et Indos et ultra Tanaim amnem colentes Scythas*) (Curt. Ruf. VII. 4. 6).

Затем дахи вновь выходят на сцену в описаниях тех событий, которые произошли возле столицы Согдианы. Спитамен смог захватить город Мараканду, и только в цитадели оставался македонский гарнизон, осажденный восставшими. Александр послал отряд из состава своей армии, задачей которого было снятие осады и разгром восставших. Спитамен вывел свои войска из города, но на пути наступавших македонян он организовал засаду, в которую и попал македонский отряд. Современные исследователи считают, что это было самое тяжелое поражение македонян за все время похода Александра на Восток. Естественно, что в этих событиях принимали участие и кочевнические контингенты. Курций Руф дает следующую информацию об этих событиях. Спитамен, «чтобы не оказаться запертым в городе, спрятался в засаде, рассчитывая перехватить неприятеля на дороге, по которой тот, как он знал, должен был пройти. Дорога была лесная, удобная для засады; на ней он спрятал дахов. Они сажают на коней по два вооруженных всадника, которые поочередно внезапно соскакивают на землю и мешают неприятелю в конном бою...» (Curt. Ruf. VII. 7. 30–32). Засада имела полный успех. Македонский отряд был разгромлен, остатки его заняли холм, который был окружен воинами Спитамена, в конечном счете и этот отряд был почти полностью уничтожен: «Пало в этом сражении 2000 пехотинцев и 300 всадников. Это поражение Александр ловко скрыл, пригрозив прибывшим с места сражения казнью за распространение вести о случившемся» (Curt. Ruf. VII. 7. 39).

У Арриана эти же события описаны несколько по-иному⁴⁹. Александр узнал о действиях Спитамена в Мараканде и отправил туда отряд под командованием Андромаха, Менедема и Карана. К ним он прикомандировал переводчика Фарнуха (Агг. IV. 3. 6–7). Спитамен, узнав о приближении македонского отряда, оставил осаду цитадели и ушел на север Согдианы⁵⁰. Ободренный союзом со скифами и набрав еще 600 скифских всадников, он напал на македонян.

Описание битвы полностью расходится с описанием ее у Курция Руфа: согласно Арриану, не было никакой засады, но кочевники действовали подобно тому, как позднее парфяне действовали при Каррах. Всадники-лучники расстреливали пехоту из луков, а атаки конницы отражали, пользуясь своим преимуществом в ней. Македонский отряд отступил к реке Политимет, где находился лес, который мог помешать скифам и где было больше пользы от пехоты. Однако македоняне стали переправляться через реку, и это привело к полному поражению отряда (Агг. IV. 5. 2–8). Правда, Арриан тут же дает еще один вариант сообщения об этих событиях и ссылается при этом на Аристобула. Этот вариант представляет компромисс между тем, что рассказывает Курций Руф, и тем, что рассказывает Арриан. Суть этого варианта состоит в том, что в самый разгар сражения на македонян внезапно напали скифы из засады, спрятавшиеся в зарослях. По этому варианту также почти все воины Александра погибли (Агг. IV. 6. 1–2).

Мы, естественно, не будем рассматривать детали этого сражения. Наша задача ограничивается выяснением того, какое место в них занимали кочевники и кто именно из них⁵¹. Аристобул (в передаче Арриана) говорит только о скифах, без всякого уточнения. Сам Арриан также пользуется термином «скифы», изредка заменяя его термином «варвары». Однако в его рассказе имеется один нюанс: в описании действий Спитамена различаются те воины, с которыми он начал осаду цитадели Мараканды, и то пополнение, которое он получил на северной окраине Согдианы и которое определяется термином «скифы». Однако словоупотребление автора таково, что нельзя думать, что «первичные» воины Спитамена не могут быть скифами. Во всяком случае, в описании битвы никаких различий нет, и все воины Спитамена называются скифами. У Курция Руфа имеется только два варианта определений для воинов Спитамена: варвары и дахи. При этом у него полностью отсутствует тот сюжет, который занимает столь важное место в рассказе Арриана – отступление к окраинам оазиса и появление новых скифских подкреплений. У него дахская засада имела место в то время, когда македонский отряд еще только шел к Мараканде.

Таким образом, термины, которые употребляют Арриан и Аристобул, не дают оснований для предположения о разноэтничности армии Спитамена. Есть все основания полагать, что она состояла из дахов, как писал Курций Руф. Те термины, которые использовали Арриан и Аристобул (скифы и варвары), как мы показали выше, не несут специфической этнической нагрузки, и использо-

⁴⁹ Причина расхождений между Аррианом и Курцием Руфом состоит в том, что первый использовал в качестве основного источника Птолема, а второй – Клитарха (*Hammond. Three Historians...* P. 143).

⁵⁰ В данном месте текст Арриана, возможно, испорчен. Дискуссию о том, куда направился Спитамен, см. *Seibert. Die Eroberung des Perserreiches...* S. 133.

⁵¹ Б.Г. Гафуров (Таджики... С. 96) без ссылки на источники говорит о том, что поражение македонянам нанесли согдийцы и скифы.

вание их объясняется или тем, что они не знают точно, какой из «скифских» этносов принимал участие в событиях, или не придают этому значения.

Подводя итог, мы можем сказать следующее: согласовать эти версии достаточно сложно. Если взять за основу версию Курция Руфа, то ситуация выглядит достаточно простой: основу отрядов Спитамена составляли дахи и эта картина ничего не добавляет к тому, что мы о них знали на основе предыдущего анализа. Если же взять за основу Арриана и попытаться согласовать его данные со свидетельствами Курция Руфа, то одним из возможных выводов будет такой: дахи населяли не только территории за Танаисом, но находились в силу каких-то причин и к северу от Согдианы, поскольку именно там Спитамен смог получить подкрепление. К сожалению, никаких оснований для того, чтобы предпочесть какой-либо из этих вариантов, у нас нет.

В событиях 328 г. до н.э. основное участие принимали массагеты (см. ниже). Только однажды практически случайно в тексте появляются дахи – в рассказе о преследовании Кратером отрядов массагетов, разгромивших отряд Аттина (события происходили в Согдиане): «Весть об этом несчастье быстро дошла до Кратера, и он со своей конницей прибыл на помощь. Но все массагеты уже утонули: зато была перебита тысяча дахов. С их гибелью закончилось сопротивление всей области» (*Et Massagetae quidem iam refugerant, Dahae mille oppressi sunt, quorum clade totius regionis finita defectio est*) (Curt. Ruf. VIII. 1. 6). Это сообщение позволяет, как нам кажется, отметить следующее обстоятельство: отряд в 1000 всадников-дахов действовал на территории Согдианы без какой-либо координации с отрядами массагетов и, видимо, без контактов со Спитаменом. С другой стороны, именно дахи составляли основную силу сопротивления македонянам на этом этапе в Согдиане.

Дахи присутствуют в рассказе Курция Руфа о посольстве, которое прибыло к Александру, когда он находился в Мараканде (подробнее см. выше). Для нас сейчас интересно то, что в этом сообщении говорится о наличии определенной связи между дахами и Хорезмом и территориальной близости между ними: «Фратаферн, стоявший во главе Хорезма, объединившись с соседями по области массагетами и дахами, также послал людей уверить царя в своей покорности» (*Phrataphernes quoque, qui Chorasmiis praeerat, Massagetis et Dahis regionum confinio adiunctus, miserat, qui facturum imperata pollicerentur*) (Curt. Ruf. VIII. 1. 7–9). Видимо, то же самое событие в самой краткой форме отражено у Юстина: «К Александру снова вернулась его воинственность, и он заставил подчиниться своей власти хорасмов и дахов» (*Revocato igitur ad bella animo Charasmos et Dahis in deditionem accepit*) (Just. XII. 6. 17)⁵².

У Курция Руфа дахи упоминаются также в рассказе о гибели Спитамена. В этом рассказе убийцей Спитамена, скрывавшегося у дахов, была его жена. Однако, видимо, более справедлив вариант Арриана, лишенный столь романтических подробностей.

Еще раз о среднеазиатских кочевниках речь идет в сообщениях Арриана и Курция Руфа, когда они рассказывают о военных действиях Александра уже в Индии, из упоминаний ясно, что отряды дахов и скифов входили в состав армии македонского царя на этом этапе похода. Накануне битвы с Пором Алек-

⁵² Мы пользовались следующими изданиями и переводами текста Юстина: Iustinus Trogi Pompei Historiarum Philippicarum Epitoma. Recensuit Iustus Ieep. Lipsiae, 1876; Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога «Historiae Philippicae» / Пер. А.А. Деконского, М.И. Рижского. Под ред. М.Е. Грабарь-Пассек // ВДИ. 1954. № 3.

сандр взял часть армии для тайного марша и неожиданной переправы. В состав ее входили: агема «друзей», гиппархии Гефестиона, Пердикки и Деметрия, отряды конных бактрийцев, согдиан и скифов, даев, конных лучников, щитоносцев из фаланги, отряды Клита и Кена, лучников и агриан (Arr. V. 12. 2)⁵³. Из этой информации ясно, что отряд даев (дахов) представлял собой конницу. Об этом же событии сообщает и Курций Руф: на авангард войска Пора напала конница Александра, а именно скифы и дахи (Curt. Ruf. VIII. 14. 5). Последнее упоминание о них мы находим в источниках, где говорится о том, как Александр уговаривал своих солдат продолжить поход в Индии. Одним из важных аргументов в его речи было указание на то, что в составе его армии сражаются скифы и дахи: «О нашей малочисленности надо было думать тогда, когда мы переплывали через Геллеспонт: теперь за нами следуют скифы, помощь нам оказывают бактрийцы, среди нас сражаются дахи и согдийцы» (Curt. Ruf. IX. 2. 24).

Подводя итоги, мы можем с определенной долей уверенности предполагать, что одним из тех среднеазиатских кочевнических этносов, которые принимали активное участие в той военно-политической борьбе, которая происходила в Средней Азии в годы похода Александра Македонского, были дахи (даи). У нас нет никаких сведений о существовании у них государственного образования, подобного тому, которое фиксируется у «европейских» скифов. Дахи с военной точки зрения, кажется, представляли собой легковооруженных конных стрелков. Основная зона их обитания, насколько мы можем судить, – территории за Сырдарьей. В то же самое время упоминания о соседстве с Хорезмом, видимо, может быть истолковано, как указание на то, что они располагались далее к северу по сравнению с царством европейских скифов (или скифов, обитающих за Танаисом). Возможно, что именно в это время началось их движение на запад, если справедлива наша интерпретация событий, происшедших возле Мараканды.

Сообщение о том, что они являлись союзниками Бесса, может быть истолковано в том смысле, что они вошли с ним в те отношения, в каких саки находились с Дарием III. Участие их в походе Александра в Индию после выражения ими покорности царю также может служить указанием на установление подобных отношений и с македонским владыкой.

МАССАГЕТЫ

Во время похода Александра Македонского массагеты, подобно другим среднеазиатским кочевникам, впервые появляются на страницах сочинений античных авторов при описании построения персидских войск при Гавгамелах. Согласно Курцию Руфу, массагеты (две тысячи всадников) замыкали войска левого фланга (*Massagetae duobus milibus agmen eius claudebant* – Curt. Ruf. IV. 12. 7). В описании битвы Курций Руф очень большое место уделяет прорыву персидской кавалерии к македонскому обозу и в связи с этим очень много пишет о действиях конницы массагетов, совершенно не уделяя внимания действиям других кочевнических среднеазиатских контингентов. Как мы показали выше, перво-

⁵³ Иногда считается, что дахи, о которых говорится в данном месте текста Арриана, уже ранее упоминаются им (Arr. III. 24. 1; IV. 24. 1) как особое подразделение (таксис) конных стрелков, но без указания на их этнос (наиболее активно в последнее время эту идею отстаивает Дж.Р. Гамильтон (см. *Hamilton J.R. Alexander's Iranian Policy // Zu Alexander d. Gr. Festschrift G. Wirt zum 60. Geburtstag am 9.12.86 / Hrsg. von W. Will unter M.J. von Heinrichs. Bd I. Amsterdam, 1987. S. 476*). Эта точка зрения не может быть принята не только по тем соображениям, которые высказал Босворт (*Bosworth. Alexander and Iranians... P. 12*), но и на том основании, что в данном месте у Арриана они упоминаются как отдельные подразделения.

начально он говорит о том, что всадники-массагеты (*Massagetas equites*) нападают на левое крыло армии Александра, прорываясь к обозу (*Curt. Ruf. IV. 15. 2*). И далее он подробно говорит о действиях этого подразделения, правда, в соответствии с обычной практикой, определяя воинов его более «генеральным» термином скифы (*Curt. Ruf. IV. 15. 12–13*). Поражение этот отряд терпит только тогда, когда против него были посланы сариссоносцы и их командир Арета убивает вождя скифов (*Curt. Ruf. IV. 15. 18*)⁵⁴.

Арриан те же самые события на левом фланге персидской армии связывает с действиями скифов и приданных им бактрийцев (*Агг. III. 13. 2–3*), а Диодор – с тысячей скифских всадников и кадусиев (*Diod. XVIII. 59. 5 и 8*). Одной из причин успеха скифской (т.е. в данном случае массагетской) конницы Арриан называет то, что у них и всадники, и лошади были покрыты доспехом (*Агг. III. 13. 4*).

В 328 г. до н.э. произошло несколько основных событий, в которых принимали участие среднеазиатские кочевники. Александр Македонский пытался завязать контакты с неназванными более точно в источниках скифами, послав к ним Кена и Артабаза. Причиной этого были сведения о том, что Спитамен скрывается у скифов (*Агг. IV. 16. 3*). К сожалению, сведения об этой миссии имеются только у Арриана. Никаких уточнений о том, какие именно скифы имеются в виду, в источнике не содержится. Однако в описании следующих событий имеется прямое указание на то, что в данном случае македоняне пытались завязать контакты именно с массагетами: «Пока Александр был занят этим, Спитамен и несколько согдиан, бежавших с ним вместе в землю скифов-массагетов, набрали конный отряд в 600 массагетов и подошли к одной крепостце в Бактрии» (*Агг. IV. 16. 4*). После захвата этой крепости отряд Спитамена подошел к самим Зариаспам, но не решился напасть на сам город. Они отошли, захватив большую добычу. Небольшая группа «друзей» Александра, случайно находившаяся в этом городе, с небольшим отрядом бросилась в погоню за участниками набега. Напав на ничего не подозревавших скифов, они нанесли им поражение и отняли добычу, но, в свою очередь, подверглись нападению отряда Спитамена и практически все были уничтожены (*Агг. IV. 16. 6–7*). Узнав об этом, Кратер со своими войсками срочно двинулся на массагетов, которые отступали в сторону пустыни. Настигнув отряд Спитамена на краю пустыни (со Спитаменом оставалось примерно 1000 массагетов), они завязали с ним битву. Нанеся отряду поражение, македоняне, однако, не решились преследовать уцелевших, которые укрылись в пустыне (*Агг. IV. 17. 1–2*). Видимо, эти же события, хотя и несколько по-иному, отражены у Курция Руфа⁵⁵. Он сообщает, что «изгнанные бактрийцы с 800 массагетскими всадниками опустошали ближайшие села» (*Curt. Ruf. VIII. 1. 3*). Правитель этой области Аттин с 300 всадниками выступил против них, но попал в засаду в лесу, и весь его отряд был уничтожен (*Curt. Ruf. VIII. 1. 4–5*). Весть об этом быстро достигла Кратера, который со своим конным войском прибыл к месту событий. Кратеру не удалось настигнуть массагетов, но «зато была перебита тысяча дахов» (*Curt. Ruf. VIII. 1. 6*) (о дахах см. выше).

Основные действующие лица этого круга событий – массагеты, которые у Арриана называются либо скифами, либо массагетами, а у Курция Руфа –

⁵⁴ Б.Г. Гафуров (Таджики... С. 93) без всяких оснований называет этот отряд кочевников сакским.

⁵⁵ Его источник в данном эпизоде, по мнению современных исследователей, – Клитарх (или какой-то другой автор, установить которого не представляется возможным), источниками же Арриана были Птолемей и Аристобул (*Hammond. Three Historians... P. 145*).

только массагетами. Конечно, очень трудно идентифицировать район их действий, но, видимо, здесь идет речь о северо-западных окраинах Бактрии⁵⁶.

О массагетах идет речь и в рассказе Курция Руфа о посольстве, которое прибыло к Александру (подробнее см. выше). Для нас в данном контексте интересно то, что здесь говорится, видимо, о соседстве массагетов и Хорезма (как и о соседстве Хорезма и дахов) (Curt. Ruf. VIII. 1. 7–9). Исходя из того, что дахи, согласно нашим выводам, располагались к востоку и юго-востоку от Хорезма, можно полагать, что массагеты должны находиться к юго-западу от него, что достаточно хорошо согласуется с тем выводом, к которому мы пришли, анализируя предыдущую информацию.

Следующий эпизод, в котором участвовали эти кочевники, вновь связан со Спитаменом. Спитамен и его приверженцы увидели, что вся Согдиана оказалась под военным контролем македонян и решили нанести удар по отряду Кена. По словам Арриана, они прибыли в Габы («неприступное место на границе между согдийской землей и скифами-массагетами»)⁵⁷ и убедили около 3000 скифских всадников вторгнуться вместе с ними в Согдиану (Арт. IV. 17. 4). Далее Арриан объясняет, почему это удалось сделать столь легко: «скифы эти жили в крайней бедности; не было у них ни городов, ни оседлого жилья; бояться за свои блага им было нечего, и потому склонить их на любую войну ничего не стоило» (Арт. IV. 17. 5). Однако в битве с отрядом Кена сторонники Спитамена потерпели поражение. Многие согдийцы и бактрийцы, не веря в возможность продолжать борьбу, оставили Спитамена и сдались македонянам. Массагеты же после поражения разграбили обоз тех бактрийцев и согдийцев, с которыми они вместе сражались, и ушли в пустыню. Спитамен ушел вместе с ними. Однако узнав о намерении Александра вторгнуться на их территорию, массагеты предпочли убить Спитамена и тем заслужить милость македонского царя (Арт. IV. 17. 6–7).

У Курция Руфа, однако, события описываются несколько по-иному⁵⁸. Согласно его рассказу, Спитамен в пустыне скрывался у дахов. Убивает его собственная жена, уставшая от скитаний и бегства (Curt. Ruf. VIII. 3. 1–15). Узнав об убийстве Спитамена, дахи выдают Александру и Датаферна, сообщника Спитамена, а сами сдаются (Curt. Ruf. VIII. 3. 16). В сущности, описание этого эпизода представляет единственный случай прямого противоречия в наших источниках относительно среднеазиатских кочевников. Все исследователи, занимавшиеся этим вопросом, согласны с тем, что версия Курция Руфа, как подчеркнуто романтическая, уступает прагматической версии Арриана с точки зрения достоверности⁵⁹. Однако это не объясняет, почему возникло это противоречие. Можно высказать следующее предположение: есть, кажется, основания считать, что массагеты и дахи были соседями. Ранее мы говорили о том, что какие-то группы дахов, возможно, уже находились в это время в районах к северу от Согдианы. С другой стороны, наши предыдущие наблюдения показывают, что масса-

⁵⁶ Обычно считается, что это столкновение произошло тогда, когда отряд Кратера возвращался после завершения своей миссии в Маргиане (Seibert. Die Eroberung des Perserreiches... S. 139).

⁵⁷ Предложено несколько идентификаций этого местечка. С нашей точки зрения, наиболее правильная гипотеза: Габы находились где-то в районе Бухары (Engels D.W. Alexander the Great and the Logistics of Macedonian Army. Los Angeles, 1978. P. 141; Seibert. Die Eroberung des Perserreiches... S. 141).

⁵⁸ Причина расхождения, как обычно, состоит в использовании различных источников: Клитарха – Курцием Руфом и Птолемеем и Аристубула – Аррианом (Hammond. Three Historians... P. 147).

⁵⁹ Шахермайр. Александр Македонский. С. 210; Hammond. Three Historians... P. 147.

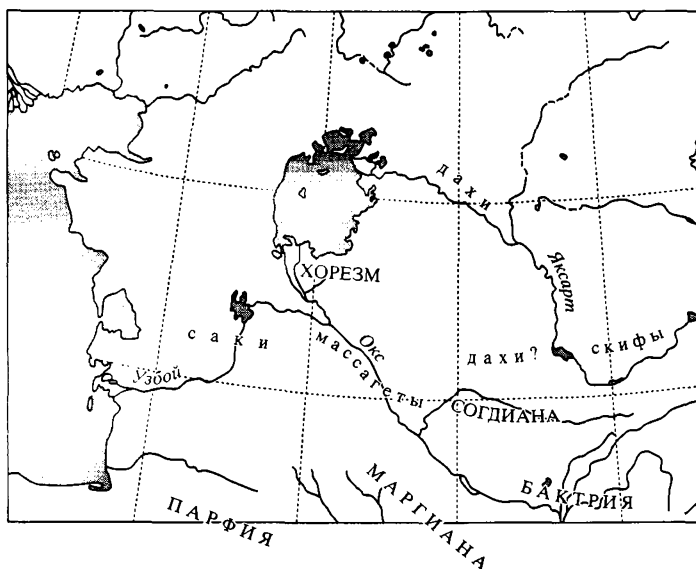

Рис. 2. Зоны обитания кочевников Средней Азии в эпоху Александра Македонского

геты должны располагаться где-то на юге (или юго-западе) от Хорезма, вероятнее всего, – вдоль Амударьи. Сообщение Арриана о Габах также хорошо укладывается в эту схему. Таким образом, согласно нашим расчетам, и массагеты, и некоторые группы дахов обитали к северу от Согдианы (первые в западной части этого региона, вторые – в восточной). Вероятно, их соседство стало причиной ошибки в сообщении Курция Руфа. В силу этих соображений можно думать, что и общее «окружение» основного события – убийства Спитамена – более достоверно у Арриана, чем у Курция Руфа, и, следовательно, можно полагать, что последними союзниками Спитамена являлись массагеты.

Попробуем резюмировать свидетельства наших источников относительно массагетов. Они, так же как саки и дахи, не обладали государственной организацией, хотя определенные указания на наличие общих политических институтов имеются (решение массагетов выдать Спитамена явно принималось каким-то управляющим органом). Особого внимания заслуживают упоминания об особой бедности массагетов, что делало их склонными к различного рода авантюрам. Вместе с тем в источниках имеется прямое указание на доспехи, защищающие как всадника, так и коня, что, видимо, может быть истолковано как указание на наличие среди массагетов и воинов-катафрактариев. Зона обитания массагетов в рассматриваемое время – территории к югу и, возможно, юго-западу от Хорезма и к северу от Согдианы, вероятно, вдоль восточного берега Амударьи.

Подводя некоторые общие итоги, мы можем, кажется, следующим образом резюмировать результаты нашего исследования (рис. 2). Античные авторы, описывавшие кочевников Средней Азии в период завоеваний Александра Македонского, знали следующие кочевнические этносы в данном регионе: саков, массагетов, дахов, «европейских скифов» («скифов, обитающих за Танаисом»). Территорией обитания саков в это время являлась западная часть Средней Азии, видимо, от Каспийского моря до Амударьи. Зоной кочеваний массагетов

были, как нам кажется, территории к югу от Хорезма, по всей видимости, по обоим берегам Амударьи. Дахам принадлежали земли вдоль северного течения Сырдарьи, не исключено также, что некоторые группы дахов появились и на территориях к северу от Согдианы. То политическое объединение кочевников, которое занимало восточный берег Сырдарьи в ее среднем течении, в античных источниках называется царством «европейских скифов», или «царством скифов, которые за Танаисом». К сожалению, мы не можем предложить никакого объяснения тому факту, что это политическое объединение не имеет в античных источниках никакого этнического обозначения. Необходимо, однако, подчеркнуть, что только оно этими источниками определяется как царство.

Сознавая дискуссионность предложенной нами схемы, мы тем не менее считаем, что она имеет несколько большее право на существование чем схемы, созданные ранее, поскольку она построена на основе группы источников, освещающих достаточно короткий исторический период. Мы также полагаем, что исследования должны быть продолжены – в обоих хронологических направлениях. Думается, что для нескольких периодов можно подобрать группы примерно одновременных источников, которые дают более адекватную картину, нежели сопоставление источников различного времени. Для более раннего периода такими источниками могут быть ахеменидские официальные надписи, тексты Геродота и Ктесия Книдского. Для более позднего – примерно I в. н.э. – тексты Страбона, Плиния Старшего и Помпония Мелы. Мы, конечно, сознаем, что анализ их информации будет более сложен, чем тот, который только что предложен, так как в них (в силу самой их природы) должны соединяться более древние сведения с более поздними, однако, полагаем, что данное обстоятельство не является непреодолимым препятствием для исследования.

Кроме того, мы на данном этапе работы не проводим сопоставления данных письменных источников с археологическими материалами, хотя прекрасно сознаем, что подобное сопоставление могло бы значительно способствовать прояснению ситуации: мы предполагаем посвятить данной проблеме отдельное специальное исследование.

NOMADS OF CENTRAL ASIA IN THE TIME OF ALEXANDER THE GREAT

(According to the Written Sources)

V. A. Gaibov, G. A. Koshelenko

The authors think that the study of ancient nomads of the Central Asia (and particularly of the territories occupied by them) is handicapped by the use of sources belonging to different periods. Meanwhile, there exists a vast complex of ancient written sources which make it possible to describe the situation of a very precise period under Alexander the Great, just about three years.

At that time the Sacae inhabited some areas in the western part of Central Asia, obviously, from the Caspian Sea to the Amu Darya. The Massagetae lived, as it seems, in the lands southward of Khwarezm, probably on both banks of the Amu Darya. The Dahae populated the lands along the northern reaches of the Syr Darya, some groups of them perhaps appearing to the North of Sogdiana. The political alliance of the nomads occupying the eastern bank of the Syr Darya in its middle reaches was called in ancient sources «the kingdom of the European Scythians» or «the kingdom of the Scythians who are across the Tanais». This unusual name is to be explained by the fact that some of the ancient authors who wrote about them believed that the Syr Darya was the Tanais and divided Europe from Asia.

The authors can not find any explanation of the fact that the sources gave no ethnic name to this political union. It must be stressed, though, that only this union was called kingdom by the sources.